
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322.
2014. Vol.(3). № 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia

EDITORIAL BOARD

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
Myagkov Mikhail – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russia
Sergeev Evgenii – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.03.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 3.

Voennyi Sbornik

2014

№

1

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322.
2014. № 1 (3). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Мягков Михаил – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия
Сеняевская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Сергеев Евгений – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 16.03.14.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 3.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

© Voennyi Sbornik, 2014

2014

№

1

C O N T E N T S

Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. The Russian Fort (First Half of the 19 th Century): Internal Organization	4
Freivogel Z. Austro-Hungarian Destroyers of the <i>Tátra</i> class and their derivatives	14
Afanasenko V.I. Training Military Specialists in the North Caucasus Military District on the Eve of and in the Initial Period of the Great Patriotic War (1940-1942)	19
Khlynina T.P. “And Then I Heard This Strange Word...”: the Evacuation from the Memoirs of Rostov Oblast Eye Witnesses and Party Documents	33
Krinko E.F. Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942	41
Kurbat T.G. Documents from the Emergency State Commission Funds and Their Research Opportunities	51
Mitiukov N.W. The Monitors of the United Kingdoms of Sweden and Norway	57
Anca Alamillo A. Military and Technical Innovations in Spanish Shipbuilding	63

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94

The Russian Fort (First Half of the 19th Century): Internal Organization *

¹ Aleksandr A. Cherkasov

² Michal Šmigel'

³ Vladimir G. Ivantsov

⁴ Aleksandr A. Ryabtsev

⁵ Violetta S. Molchanova

¹ Sochi State University, Russian Federation
Dr. (History), Professor

² Matej Bel University, Slovakia
Dr. (History), Professor

³ Sochi State University, Russian Federation
PhD, Assistant Professor

⁴ Sochi State University, Russian Federation
PhD, Assistant Professor

⁵ Sochi State University, Russian Federation
PhD student

Abstract. The article uses archival documents found in regional and local archives to examine the internal organisation of Russian forts during the Caucasus War. The authors have also analysed Russian and international historiography on this issue. The article focuses on safety rules, behaviour as well as leisure activities within fortifications.

Keywords: fort; Caucasus War; internal organization; Russian army.

Введение. Тема истории Кавказской войны представляет собой значительную эпоху, которая включает в себя многочисленные эпизоды. В данной статье нам хотелось бы уделить внимание проблемам внутреннего распорядка в русской крепости в первой половине XIX века. За пример нами была взята одна из крепостей Черноморской береговой линии, а именно крепость Александрия (позднее переименованная в Навагинскую).

Материалы и методы. Статья подготовлена на архивных документах, часть из которых вводится в научный оборот впервые. При написании работы использовался принцип историзма и системности. Важное значение имеют ситуационный и историко-описательный методы.

Обсуждение. Историография по теме исследования не многочисленна, так проблемы внутреннего распорядка в крепостях были лишь небольшой частью деятельности комбатанта на войне. Тем не менее эти эпизоды нашли отражения в работах таких авторов как: Е.В. Новиков, В.Б. Каратаев, О.В. Натолочная,

* Статья подготовлена в рамках фундаментальной темы «Кавказ в диалоге цивилизаций: механизмы глобальных изменений (опыт XVIII–XIX вв.)».

В.И. Меньковский, А.А. Черкасов и др. [1-14] Среди зарубежных авторов, в работах которых имеются упоминания о жизни в крепостях, можно отметить: Аниту Бурдетт, Мухамеда Бега, Аула Юлана, Дибир Бахомедова, Моше Гаммер, Томоюки Ханада и др. [15-20]

Результаты. Командование фортом осуществлял его командир, воинский чин которого в разное время был не ниже лейтенанта и до подполковника включительно.

В форте Александрия, позднее переименованном в Навагинский, существовал следующий распорядок. Утром и вечером гарнизон форта собирался на плацу, для переключки и расчета. Причем эта процедура происходила для пехоты по фронтам, ими занимаемым, а для артиллеристов – по орудиям. Ввиду того, что фронты были неодинаковы по протяженности и значимости, например, атак с моря практически ждать не приходилось, то гарнизон по установленному генералом Симборским правилом делили следующим образом: 1/5 часть сразу же направляли в резерв укрепления, а 25 чел. – на охрану блокгауза; оставшихся делили на семь частей, по две части направляли на три длинных фронта, а одну – на морской фронт. Например, если гарнизон насчитывал 350 пехотинцев, для резерва сразу же выделялось 70 чел., для блокгауза – 25, на каждый из трех длинных фронта по 72, а на морской – 39, что составит на 4 фронта 255 чел., всего 350 [21].

Крепостной резерв всегда находился посередине укрепления на тот случай, если обстоятельства потребуют усилить оборону какого-либо из фронтов. Гарнизон размещался по всем оборонительным линиям только тогда, если укрепление атаковалось одновременно со всех четырех сторон. В противном случае части, назначенные для обороны крепостных брустверов и не атакуемые противником, присоединялись к резервам и ждали своего часа. Охрана блокгауза ночью и во время нападения неизменно составляла 25 чел., днем численность охраны могла уменьшаться до 10 солдат под командованием одного унтер-офицера.

Главное вооружение форта составляла артиллерия, она располагалась следующим образом: на бастионном фронте, направленном к горам, имелось, в 1-м бастионе единорог, батарейная пушка и легкая пушка, во 2-м бастионе 2 единорога; константиновский фронт был оснащен легкой пушкой и единорогом; морской фронт прикрывался тур-бастионом при 2 единорогах; на сочинском фронте размещался один бастион, на вооружении которого состояли батарейная пушка и единорог [22].

Помимо этого два единорога состояли в резерве для подкрепления фронта атакуемого противником.

Во время атаки пехота располагалась вдоль всего фронта, солдаты выстраивались в две шеренги около орудий. Делалось это для того, чтобы передний стрелок, произведя выстрел с банкета, отходил назад для заряжения ружья и уступал место второму стрелку. Этим достигалась скорострельность и сокращались потери.

В случае обстрелов неприятеля с дальнего расстояния, а также с закрытых мест (оврагов, ям) артиллеристы открывали огонь гранатами и соответственно пехоту на фронтах практически не использовали. Во время штурмов форта значительными силами горцев к участию в отражении привлекалась вся артиллерия, имеющая направление на участок атаки. Причем стрельба велась преимущественно по толпе противника начиная с расстояния 250 саженей дальней картечью, а потом при приближении противника ближней картечью и из ружей.

Один только раз горцам удалось перейти крепостной ров и подняться на бруствер, но скоординированными действиями гарнизона горцы были встречены штыками и отброшены.

Значительное внимание уделялось созданию ночных секретов, которые должны были заблаговременно поднять тревогу в крепости во время ночного нападения. Чтобы уберечь людей от ненастья, а также от случаев, когда солдаты секрета не успевали отойти в лагерь, из-за близости противника в секретах стали использовать специально обученных собак.

К внешней защите форта относился ров, однако его не заполняли водой, боясь разрушения крепостного бруствера при подъеме уровня воды в реке Соча-Пста. Сообщение с крепостью производилось через мост, который вечером разбирался и уносился во внутрь. Ворота крепости запирались на ключ, которые в течение ночи находились у начальника

форта. Открывать ворота и собирать ночью мост категорически запрещалось. Мост монтировался только утром. При появлении неприятеля мост разбирался, а ворота запирались [23].

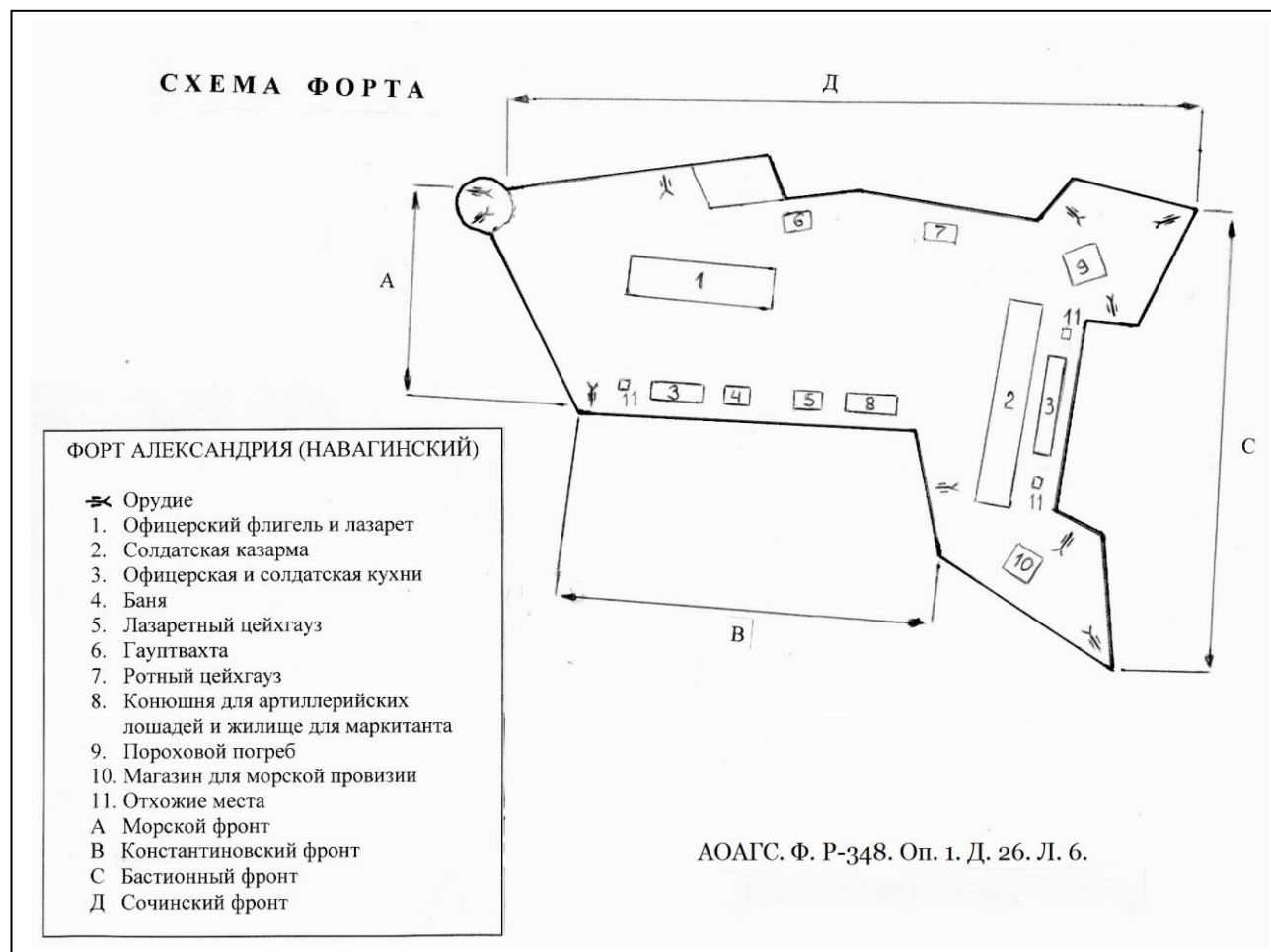
Боевое охранение крепости находилось на всех угловых позициях фронтов, а также на специально сооруженной вышке у дома воинского начальника. Охранение было предназначено для заблаговременного обнаружения опасности.

Таким образом, в плане обороны форт Александрия представлял для горцев серьезный узел сопротивления, крепость вполне могла не только противостоять объединенным силам горцев, но и выдержать продолжительную осаду европейского войска.

В оперативном отношении командир форта Александрия подчинялся непосредственно командующему 1-го отделения Черноморской береговой линии, только с ним он мог решать вопросы о дополнительном обеспечении форта людьми и продовольствием и др.

Командир форта был обязан следить за тем, чтобы личный состав совершенствовал военное мастерство. Для этого отводились определенные дни и часы. Во время тренировок военнослужащие, руководствуясь пехотным уставом, выполняли упражнения с оружием, включая тренировочную прицельную стрельбу.

Повышенное внимание в крепости уделялось артиллерии и всему, что к ней относилось. Это и не мудрено, так как в форте находилось значительное количество гранат, ядер, а также пороха, в случае детонации арсенала форт практически был бы стерт с лица земли. Для уменьшения концентрации взрывчатых веществ порох хранился не в одном, а в нескольких пороховых погребах. Артиллерийское имущество, а именно заряды, патроны, порох, всячески оберегали от огня и сырости. Для борьбы с сыростью в хорошую погоду открывали двери и окна погребов, чтобы сухой воздух мог свободно проникать внутрь. Во время такой просушки особенно осторожно обращались с огнем.

Пороховые погреба и арсеналы охранялись часовыми, которым запрещалось подходить к пороховым погребам, а тем более входить в них без соответствующего приказа командира форта, данного ефрейтору через дежурного по укреплению офицера [24].

Манипуляции с приготовлением или переделкой боевых зарядов производились вне крепости. Для этого специально выставлялось наружное прикрытие и разбивалась лабораторная палатка.

На каждое орудие в крепости постоянно имелось по два комплекта зарядов. Часть из них помещалась в зарядных ящиках и передках, находящихся при орудиях, а остальные лежали на стеллажах в пороховых погребках. Там же находились порох в бочонках, боевые патроны, палительные свечи, скорострельные и запасные гранатные трубки.

Убранство в пороховых погребках исключало возможность проникновения огня. Под бочонками с порохом, на стеллажах, под снарядами и на полу в погребках в два ряда лежали циновки, сверх того был предусмотрен войлок. Снаряженные гранаты, брандскугли, светлые ядра, картечь в жестянках лежали в особых ящиках и были проложены паклей. Во время опасности и тренировок артиллеристы выносили ящики крайне осторожно, чтобы ударом одного снаряда о другой не произвести искры и взрыва.

Другое артиллерийское и стрелковое имущество, а именно фитили, армяки, армяжные мешки, стеклядь, пули, кремни, паклю, шпигли, густую смолу хранили либо в погребках, либо в хорошо устроенном сарае или цейхгаузе. Притом армяк и армяжные мешки хранились в закупоренных сухих бочонках с целью защиты от моли и проветривались в ясную погоду.

Ядра, подверженные ржавчине, выжигали в кострах, после чего варили в масле и складывали в пирамиды около погребов.

За все артиллерийское имущество нес ответственность артиллерийский офицер, обязанный наблюдать за сохранностью и пригодностью боеприпасов, особенно снаряженных гранат. Заметив малейшую в них неисправность (например, обсохшие трубки, повредившие ее пластырь и стапин), он обязан был немедленно переделывать гранаты в лабораторной палатке [25].

Правильность зарядов проверялась пушечным пропуском их сквозь медный цилиндр, а в единорогах – сквозь проемы.

При входе в погреба офицеры поверх обуви обязательно надевали войлочные или суконные валенки, а нижние чины разувались и подвергались осмотру, на предмет наличия у них курительных трубок, огнив или других вещей, могущих произвести взрыв.

Обучение орудийной прислуги происходило ежедневно, офицер с соблюдением всех правил безопасности обучал прицельной стрельбе, обращению с орудием, учил развивать глазомер.

Число прислуги при каждом орудии составляло по нормативам пять и более человек, но не всегда этот норматив соблюдался, особенно в период эпидемий [26].

Артиллерийский офицер помимо всего прочего должен был знать расстояние до всех пунктов вне укрепления на один пушечный выстрел, с которых неприятель мог предпринять наступательные действия. Знание их позволяло офицеру немедленно придать орудиям должное возвышение для произведения цельной или рикошетной стрельбы, а также для действия дальней и ближней картечью.

Не менее важной для обороны укрепления, окруженного оврагами и холмами, была искусная навесная стрельба из мортир и единорогов.

Известно, что полный заряд, употребляемый в единороге под гранату, бросал снаряд на расстояние в 500 сажень и более, при этом граната, падая, не оставалась на месте, а продолжала рикошетировать и улетала дальше. Это действие гранаты не могло заменить навесную стрельбу, главное условие которой заключается в том, чтобы граната, упав в закрытое место, осталась в нем и разрывом своим причинила вред находящемуся там неприятелю.

Для достижения этого артиллеристы уменьшали количество пороха в заряде под гранату и давали единорогу самое большое возвышение. Опыты, проводимые в Александрии, показали, что из 1/2-пудового единорога заряды в 90 золотников, а из 1/4

пудового в 70 золотняков бросали гранату навесно на 500 сажень и последняя разрывалась, не производя рикошета [27].

Все эти моменты артиллерийский офицер обязан был учитывать и при изготовлении зарядов, предназначенных для конкретного пункта бомбардировки. Уменьшенные заряды имели пришитые ярлыки с надписью веса пороха и расстояния, на которое заряд бросает гранату.

Уменьшенные заряды посылались в камору орудия отдельно от обычных зарядов особым пробойником или щеткой банника, с осторожностью, чтобы по незначительности своей они не могли повернуться и остановиться, не дойдя до дна каморы.

При появлении горцев в поле из батарейных орудий стреляли гранатами и ядрами не далее как на расстояние 500 сажень, картечью – 250; из легких – гранатами и ядрами не далее 450, картечью – 200 сажень [28].

Из орудий стрелять по одному человеку запрещалось, так как шанс попасть был минимальным. Кроме того, артиллеристам надлежало помнить, что верное прицеливание и благоразумное расходование зарядов – неременная обязанность артиллериста.

Всякое упущение со стороны артиллерийских офицеров, заведующих артиллерией и парком в сохранении от порчи орудий с их лафетами и ящиками, зарядами, припасами, материалами и пр. строго наказывалось.

Хождение через бруствер в крепости строго запрещалось, потому, что от ходьбы прокладывались дорожки, которыми могли воспользоваться горцы при штурме, то есть терялась обороноспособность всей крепости.

За состоянием фортификационных сооружений крепости наблюдала рабочая команда численностью от 20 до 30 чел. под руководством офицера. Эта команда была обязана ежедневно обходить укрепление и осматривать его на предмет обнаружения трещин, промоин и других деформаций укрепления, особенно после ливневых дождей. В распоряжение рабочей команды был выделен практически весь инвентарь лопат, кирок и топоров, принадлежащих гарнизону [29].

В казарменных строениях строго воспрещалось делать какие-либо перестройки и прорубать стены, не испросив предварительно разрешения командования Черноморской береговой линии.

Офицерский флигель, лазаретный дом и солдатская казарма в укреплении были построены на каменном фундаменте, выложенном на глине. Ввиду этого ни рабочая команда, ни крепостное командование не должны были забывать, что во время проливных дождей фундамент мог повредиться, если будет стоять вода. Для этого требовалось наблюдать, чтобы земля около стен была несколько возвышена и имела скат наружу для стока воды.

В крепости практически всегда был образцовый порядок [30], за счет этого гарнизон крепости и мог выжить. Поэтому вопросам чистоты и порядка всегда уделялось особенно пристальное внимание.

Для наблюдения за порядком и чистотой в крепости назначалась особая команда численностью до 20 чел. под управлением одного офицера [31]. Офицер следил за исправным очищением отхожих мест, все нечистоты из которых в ящиках ежедневно по утрам сбрасывались в море.

Эта же команда еженедельно очищала от сажи печные трубы, а на случай пожара имела достаточное количество воды в обрезках, а также содержала в исправности багры, лестницы, топоры и вообще пожарный инструмент. Несколько ответственных людей из этой команды составляли особое отделение, называемое трубным, которое следило за состоянием чердаков каждого жилого строения, за отсутствием в трубах щелей или других повреждений и докладывало об этом командиру форта.

Чины этой команды наблюдали также за тем, чтобы вблизи пороховых погребов и других хранилищ боеприпасов военнослужащие не ходили с огнем, не раскладывали его под котлами, а также стремились по возможности дальше убрать при строительстве от этих мест кухни, кузницы и т.д. За это же были ответственны и часовые по крепости, находящиеся на вышке, крепостном валу и внутри укрепления. Разжигать костер внутри укрепления было

нежелательно, это предусматривалось делать на берегу моря или реки вдали от стогов сена, хранить которое в крепости запрещалось.

Вне зданий курить трубки, носить огонь без фонаря, головни и зажженные лучины строжайше воспрещалось. Еще большая осторожность должна была соблюдаться на чердаках строений.

На крепостном валу было запрещено делать постройки, насыпи и рыть ямы, так как этим могли воспользоваться при атаке горцы. Рельеф местности по возможности выравнивала рабочая команда, уничтожая все, что могло быть использовано для горцев как защита. Помимо этого дно рва устилалось досками с вбитыми гвоздями и нередко были случаи, когда благодаря этому удавалось поймать горцев. Так, в мае 1851 г. убух Татлыстан Чирик, укравший в форте у купца ружье, бросился бежать через ров в лес, но наскочил на гвозди, поранился, был задержан и посажен под арест [32].

Командир форта заботился и о том, чтобы поблизости укрепления нигде не было стоячей воды, которая, загнивая во время жары, порождала самые опасные инфекционные болезни.

Укрепление имело и свое кладбище. Погребение тел умерших осуществлялось на специально отведенном месте на расстоянии не ближе 250 сажень от укрепления. Хоронить необходимо было исключительно в грунте глинистом или черноземе, а не в песчаном, вырывая могилы не менее одной сажени глубиной. За соблюдением этого офицеру по полицейской части предписано было вести строгий надзор [33].

В повседневный пищевой рацион личного состава гарнизона в обязательном порядке входили щи из капусты, свеклы или зеленой крапивы, заправленные черемшой или чесноком. Один раз в неделю готовился мясной борщ приправленный перцем. Два раз в неделю каждому солдату выдавали по 200 граммов сала. В постные дни из рациона исключались масло, мясо и добавлялись лук, каша. По праздникам личный состав по желанию получал некоторое количество водки, настоянной на перце [34].

Питьевой водой гарнизон обеспечивался за счет вырытых еще при генерале Симборском колодцев. Колодцы по вечерам закрывались крышками и запирались на замок, чтобы неприятель не мог в ночное время отравить в них воду. Помимо этого, колодцы периодически очищали от накапливаемого ила, как правило, два раза в год.

В гарнизоне действовали и другие правила. Так, часовых к пороховым погребам, хлебным сараям и другим складам большей или меньшей важности предусматривалось назначать из людей благонадежных, притом порох охраняли артиллеристы.

Без разрешения командующего Черноморской береговой линии или командира 2-го отделения командир форта не имел права ни под каким предлогом оставлять укрепление [35].

Действовали правила и о больных. Если их число в гарнизоне доходило до 40 чел., то часть их с первым отходящим судном отправляли в госпиталь для лечения.

Все казенные и другие бумаги, проходящие по штабу укрепления, надлежало отсылать с военными судами, приходящими на рейд. Разрешалось вступать в сношение с купцами, прибывающими сюда из российских портов, однако строжайше запрещалось вести дела с иностранцами, приходящими из-за границы и не имеющими письменного вида на карантинное и таможенное очищение.

Вся информация о планах горцев против форта, а также против других крепостей Черноморской береговой линии должна была незамедлительно доноситься непосредственному командованию [36].

Для предохранения от инфекционных болезней надлежало иметь осторожность при взаимоотношениях с горцами и племенами, у них обитающими. С горцами предписывалось быть осмотрительными и на причины, по которым они будут искать сближения с гарнизоном, не слишком полагаться.

В случае же убеждения в искреннем желании горцев войти с гарнизоном в сношение начальник форта обязан был всячески уверить их в благом намерении правительства. Из числа благонадежных горцев требовалось найти людей, полностью преданных России, и об оказанных ими услугах гарнизону доводить до сведения высшего начальника для щедрого поощрения. Поощрением, как правило, были серебряные рубли, хотя известны

случаи награждения горцев золотыми медалями «За храбрость» и даже офицерскими воинскими чинами.

Несколько слов следует сказать и о досуге гарнизона. Свободное от службы время можно было посвятить чтению, так как в форте имелась библиотека, располагающая значительным по тем временам фондом – к 1 января 1854 г. в нем насчитывалось 392 единицы хранения [37].

Что же читали в форте Навагинском? Достаточно серьезно были представлены журналы, а именно: Военный журнал (подшивка с 1828 по 1850 гг.), Военно-энциклопедический лексикон (с 1837 по 1848 гг.), Артиллерийский журнал (1839–1852 гг.), Инженерные записки (1826–1852 гг.). Из другой военной литературы библиотека имела воинские уставы. Неплохо была представлена художественная литература, в частности, сочинениями А.С. Пушкина и др. Имелись исторические работы, например, 12-томная «История государства Российского» Карамзина, «История Русской церкви», «Отечественные записки» с 44-го по 74-й тома. Разумеется, присутствовала в библиотеке и разнообразная религиозная литература [38].

Помимо чтения для нижних чинов в форте устраивались спортивные соревнования по борьбе, прыжкам, игре в мяч и т.д. Особо поощрялось музыкальное творчество – игра на балалайке, скрипке и других музыкальных инструментах.

В хорошую погоду устраивались соревнования по плаванию на азовских баркасах и многое другое [39].

Выводы. Подводя итоги хочется отметить, что первые два года в форте (как и во всех фортах Черноморской береговой линии) полностью отсутствовали женщины, это обстоятельство отрицательно сказывалось на солдатских массах, и в 1840 г. генерал Раевский распорядился селить в крепостях солдаток, которые бы занимались сельским хозяйством или хозработами на обслуживании гарнизона.

Таким образом, спортивные соревнования, самодеятельность, а также наличие женщин скрашивали суровую армейскую жизнь не только солдат, но и офицеров русской армии.

Примечания:

1. Черкасов А.А. Сочи в войнах: историко-статистическое исследование // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 3-7.
2. Натолочная О.В. Оборонительное строительство на территории города Сочи в средневековый период: общее и особенное // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10). Часть 3. С. 123-125.
3. Урушадзе А.Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи – два типа модернизации // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4. С. 10–12.
4. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Взгляд в эпоху: десантные операции адмирала Лазарева // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 33-35.
5. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. К 170-летию Адлера: создание укрепления Св. Духа // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2007. № 3. С. 23–26.
6. Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Форт Головинский: от десантной операции до создания укрепления (1839 г.) // Вестник СГУТиКД. 2008. № 1-2 (3-4). С. 177-181.
7. Новиков Е.В. Горцы на русской службе // История и историки в контексте времени. 2006. № 4. С. 4–20.
8. Черкасова И.Ю. Военно-историческая антропология: повседневная жизнь в крепостях Черноморской береговой линии (1837–1854 гг.) // История и историки в контексте времени. 2007. № 5. С. 25–34.
9. Черкасов А.А. Десантная операция в устье реки Соча-Пста (13 апреля 1838 г.) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2011. № 1. С.10-16.
10. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Psychological portrait of a soldier on the Black sea coast: lower ranks // European researcher. 2010. № 1. P. 27–30.
11. Menjkovsky V.I., Cherkasov A.A. Unknown chapter in Caucasian war (1848–1851): Black sea coastline and mining // European researcher. 2010. № 2. P. 152–157.

12. Зайцев А.М. А.П. Ермолов: военный и политик // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 23–35.
13. Novikov E.V. Political, social and economic situation in north Caucasus during Russian empire consolidation // European researcher. 2011. № 7 (10). P. 1032–1054.
14. Черкасов А.А., Рябцев А.А., Меньковский В.И., Тараканов В.В., Навроцкий А.В. По Высочайшему повелению (материалы следственного дела о краже мин в форте Навагинском Черноморской береговой линии. 1851 г.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. № 1 (27). С. 5-15.
15. Anita L.P. Burdett. Caucasian Boundaries. Documents and Maps. 1802-1946 // London: Archive editions, 1996.
16. Mohammed Beg Hadjetlache. Aul Yulan. An episode of the Caucasian war // Central Asian Survey Volume 4, Issue 4, 1985. Special Issue: Focus on the Caucasus, pp. 47-49.
17. Dibir M Mahomedov. On the social aims and spiritual ideals of the Mountaineers during the Caucasian War // Central Asian Survey Volume 21, Issue 3, 2002, pp. 245-248.
18. Moshe Gammer. Vorontsov's 1845 expedition against Shamil: A British report // Central Asian Survey Volume 4, Issue 4, 1985, Special Issue: Focus on the Caucasus, pp. 13-33.
19. Moshe Gammer. The Nicolaÿ-Shamil negotiations, 1855–1856: A forgotten page of Caucasian history // Central Asian Survey Volume 11, Issue 2, 1992, pp. 43-70.
20. Tomoyuki Hanada. The Russian Empire's Colonial Administration and Decolonization Wars in the Caucasus during the first half of the Nineteenth Century <http://www.eceme.ensino.eb.br/cihm/Arquivos/PDF%20Files/32.pdf>
21. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.
22. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 81.
23. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.
24. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 73.
25. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 74.
26. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 74.
27. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.
28. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.
29. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.
30. Если не считать событий весны 1851 г.
31. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 77.
32. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.
33. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 79.
34. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 13. Л. 41.
35. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 79.
36. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 80.
37. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1748. Л. 27–34.
38. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1748. Л. 27–34.
39. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 13. Л. 42.

References:

1. Cherkasov A.A. Sochi v voynakh: istoriko-statisticheskoe issledovanie // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2006. № 2. S. 3-7.
2. Natolochnaya O.V. Oboronitel'noe stroitel'stvo na territorii goroda Sochi v srednevekovyi period: obshchee i osobennoe // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 4 (10). Chast' 3. S. 123-125.
3. Urushadze A.T. Imamat Shamilya i tanzimat Osmanskoi imperii – dva tipa modernizatsii // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2010. № 4. S. 10–12.
4. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Vzgl'yad v epokhu: desantnye operatsii admirala Lazareva // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2006. № 2. S. 33-35.
5. Karataev V.B., Cherkasov A.A. K 170-letiyu Adlera: sozdanie ukrepleniya Sv. Dukha // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2007. № 3. S. 23–26.
6. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Fort Golovinskii: ot desantnoi operatsii do sozdaniya ukrepleniya (1839 g.) // Vestnik SGUTiKD. 2008. № 1-2 (3-4). S. 177-181.

7. Novikov E.V. Gortsy na russkoi sluzhbe // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2006. № 4. S. 4–20.
8. Cherkasova I.Yu. Voенно-istoricheskaya antropologiya: povsednevnyaya zhizn' v krepostyakh Chernomorskoй beregovoi linii (1837–1854 gg.) // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2007. № 5. S. 25–34.
9. Cherkasov A.A. Desantnaya operatsiya v ust'e reki Socha-Psta (13 aprelya 1838 g.) // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2011. № 1. S.10-16.
10. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Psychological portrait of a soldier on the Black sea coast: lower ranks // European researcher. 2010. № 1. R. 27–30.
11. Menjkovsky V.I., Cherkasov A.A. Unknown chapter in Caucasian war (1848–1851): Black sea coastline and mining // European researcher. 2010. № 2. P. 152–157.
12. Zaitsev A.M. A.P. Ermolov: voennyi i politik // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2010. № 7. S. 23–35.
13. Novikov E.V. Political, social and economic situation in north Caucasus during Russian empire consolidation // European researcher. 2011. № 7 (10). R. 1032–1054.
14. Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Men'kovskii V.I., Tarakanov V.V., Navrotskii A.V. Po Vysochaishemu poveleniyu (materialy sledstvennogo dela o krazhe min v forte Navaginskom Chernomorskoй beregovoi linii. 1851 g.) // Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal. 2013. № 1 (27). S. 5-15.
15. Anita L.P. Burdett. Caucasian Boundaries. Documents and Maps. 1802-1946 // London: Archive editions, 1996.
16. Mohammed Beg Hadjetlache. Aul Yulan. An episode of the Caucasian war // Central Asian Survey Volume 4, Issue 4, 1985. Special Issue: Focus on the Caucasus, pp. 47-49.
17. Dibir M Mahomedov. On the social aims and spiritual ideals of the Mountaineers during the Caucasian War // Central Asian Survey Volume 21, Issue 3, 2002, pp. 245-248.
18. Moshe Gammer. Vorontsov's 1845 expedition against Shamil: A British report // Central Asian Survey Volume 4, Issue 4, 1985, Special Issue: Focus on the Caucasus, pp. 13-33.
19. Moshe Gammer. The Nicolaÿ-Shamil negotiations, 1855–1856: A forgotten page of Caucasian history // Central Asian Survey Volume 11, Issue 2, 1992, pp. 43-70.
20. Tomoyuki Hanada. The Russian Empire's Colonial Administration and Decolonization Wars in the Caucasus during the first half of the Nineteenth Century <http://www.eceme.ensino.eb.br/cihm/Arquivos/PDF%20Files/32.pdf>
21. Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi (AOAGS). F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 69.
22. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 81.
23. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 69.
24. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 73.
25. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 74.
26. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 74.
27. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 75.
28. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 75.
29. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 76.
30. Esli ne schitat' sobytii vesny 1851 g.
31. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 77.
32. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 38. L. 4.
33. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 79.
34. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 13. L. 41.
35. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 79.
36. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 5. L. 80.
37. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). F. 260. Op. 1. D. 1748. L. 27–34.
38. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1748. L. 27–34.
39. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 13. L. 42.

УДК 94

**Русская крепость (первая половина XIX в.):
внутренний распорядок**

¹ Александр Арвелодович Черкасов

² Михал Шмигель

³ Владимир Гаврилович Иванцов

⁴ Александр Александрович Рябцев

⁵ Виолетта Сергеевна Молчанова

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Доктор исторических наук, профессор

² Университет Матея Бела, Словакия

Доктор истории, профессор

³ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Кандидат исторических наук, доцент

⁴ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Кандидат экономических наук, доцент

⁵ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аспирант

Аннотация. В статье на основе архивных документов региональных и местных архивохранилищ рассматривается внутренний распорядок в русской крепости периода Кавказской войны. Авторским коллективом была проанализирована российская и зарубежная историография по теме исследования. Уделено внимание правилам безопасности, поведения, а также досугу в крепостных сооружениях.

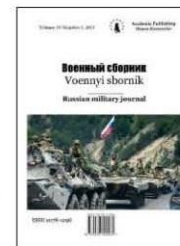
Ключевые слова: крепость; Кавказская война; внутренний распорядок; русская армия.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal
--

UDC 94(436).08

Austro-Hungarian Destroyers of the *Tátra* class and their derivatives

Zvonimir Freivogel

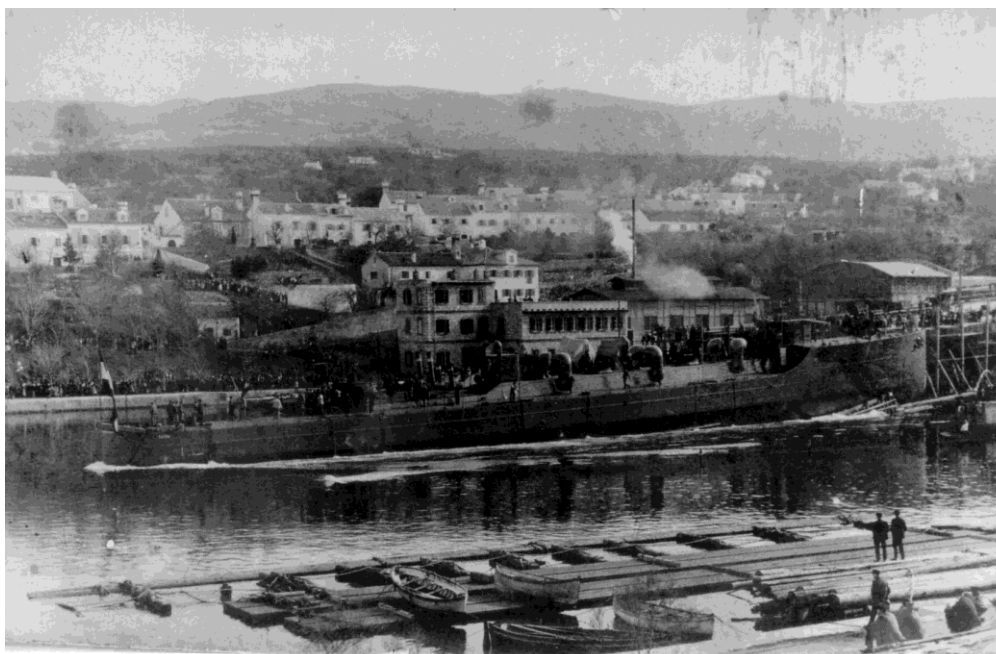
Dr., DD., German Society for the Maritime and Naval History, Germany

Abstract. Austro-Hungarian Navy was initially ordering its early destroyers abroad, or building them in licence after foreign designs, like the numerous Yarrow-designed and VTE-powered *Huszár* class, but shortly before World War One, Austro-Hungarian ship-builders developed an excellent design. The steam turbine-powered, fast and strongly armed destroyers of the *Tátra* class were very successful on the Adriatic during the 1914-18 war. At first only six were built, and the second batch was cancelled after the war broke out, but after two of these valuable ships were sunk by mines in a single action, four additional and slightly modified vessels were ordered, and completed late during the war. Together with scout cruisers of the *Admiral Spaun* and *Saida* classes they formed the backbone of the A-H light naval forces, and were very active during the war. The surviving vessels were divided by the victors, serving for several years after the war under French and Italian flags.

Keywords: Austria-Hungary; Imperial & Royal Navy; World War One; naval warfare; Adriatic; destroyers; *Tátra* class.

Introduction. At the end of the 19th Century the Imperial and Royal Austro-Hungarian Navy was searching for the best solution for her destroyers. In the A-H naval parlance they were called "torpedo vessels" (Torpedofahrzeuge), and placed between the bigger "torpedo cruisers" and "torpedo ships", and smaller torpedo boats. First A-H units of this category were a collection of prototypes built abroad by the destroyer building yards of Palmers in Great Britain and Schichau in Germany. These units, **SMS Meteor**, **Blitz** and **Komet** built between 1886 and 1888 by Schichau, **SMS Planet** built by Palmers and her sister-ship **Trabant** built in licence by the STT shipyard San Rocco in the then Austrian Trieste, were followed by two more destroyers of the German origin, the SMS **Satellit** completed in 1893 and the bigger SMS **Magnet**, built by Schichau in 1895/96 on the lines of the **Emir Buchariskij** class destroyers delivered to the Imperial Russian Navy. Finally the more promising project was found in the Yarrow-built destroyer **SMS Huszár**, completed in 1905 and followed by eleven sister-ships built at Trieste by STT and at Fiume by Danubius after the original plans. The project for these 400 ts units was based on modified plans of the Yarrow export destroyers that were represented by the **Ikazuchi** and **Akatsuki** classes developed for Japan. The Austrian units were armed with an 66 mm L/45 gun (called 7 cm gun in the A-H Navy) and seven 47 mm L/44 guns, together with two 450 mm torpedo tubes, but from 1913 the artillery armament was changed to one 66 mm L/45 and five 66 mm L/30 guns. The original *Huszár* was lost after grounding in 1908 and a new ship was built in 1911 by the Naval Arsenal at Pola, using parts of machinery and armament salvaged from the lost unit, receiving again the name **Huszár**. There was an 14th unit as well: after the outbreak of the World War I, A-H Navy purchased an already completed destroyer of the **Huszár** type, that was ordered by China and completed as **Lung Tuan**, but not taken over, probably because of the turbulent political situation in China in 1912. The purchase of the ship, renamed **Warasdiner** and rearmed with the Austrian-pattern guns, brought the total of active units to 13.

All these ships were useful for the A-H Navy, but some were too old and slow for the service with the torpedo boat flotillas or the main fleet during the years before the WW I. The SMS *Magnet* and the ships of the *Huszár* class were modern for their time, but were having the steam reciprocating machinery, that reached the peak of its development at this period. Greater speed was possible only by using steam turbines and the A-H Naval Section of the War Ministry invited in 1909 several shipyards from Austria-Hungary and abroad to send their offers for a 600 tonnes destroyer. The STT and Danubius were proposing vessels armed with two 100 mm guns, four 47 mm guns, and two or three torpedo tubes, the offer from Germania shipyard from Kiel was to have two 100 mm guns and four TT's, and other two German shipyards invited, the Vulcan from Stettin and Schichau from Elbing offered ships armed with two 105 mm or three 100 mm guns and three or four TT's respectively. The British firms of Yarrow and Thornycroft were proposing more lightly armed ships with only six 66 mm guns and four TT's (Yarrow) or armed with two 100 mm, two 75 mm and only two TT's (Thornycroft). There was an unconventional project too, proposed by the company Schnabl & Co. from Trieste in the name of the US Lewis Nixon shipyard from New York, for a destroyer with gasoline engines propulsion (!), and armed with four 127 mm guns, six Colt machine guns and four torpedo tubes.

Launching of *Tátra*

All these offers were not satisfactory enough and in January 1910 A-H Naval Command invited again four shipyards (STT from Trieste, CNT from Monfalcone, Danubius from Fiume and Vulcan from Stettin) to submit their projects for 800 tonnes destroyers. The deadline for proposals was 15th July 1910. The ships were to reach an maximum speed of 32.5 knots on the statute mile and to maintain this speed for four hours, to have reliably engines (i.e. steam turbines of a proven type), Yarrow boilers with mixed firing (1/3 coal and 2/3 oil) and an armament of two 100 mm guns and four 66 mm guns, completed by three 450 mm torpedo tubes. Three shipyards sent their projects in June 1910, followed by Danubius one month later, but because of the intervention of the Hungarian Minister of Commerce, A-H Navy negotiated only with the Danubius shipyard at Fiume, a Hungarian enclave on the Croatian Adriatic coast. Original plans were modified during the following months according to the wishes of the Navy, but the order for six ships of the new class was made already on 13 June 1911, to be followed three months later by detailed drawings made by the shipyard. Later modifications brought the displacement over the 800 tonnes mark, but the ships were made longer and stiffer, and the armament was augmented by two additional 66 mm guns and one torpedo tube.

Final construction displacement of the *Tátra* class reached 850 tonnes, with a full displacement of 1050 tonnes. The hull was 83.5 metres long, 7.8 m wide and was having a draught

between 2.42 am 3.2 m. Six water tube boilers were producing steam for two AEG Curtis steam turbines with an total output of 20,500 ihp and the ships were to reach an maximum speed of 32,6 kts. The armament comprised two 100 mm/L50 guns, one fore and another aft, six 66 mm/L45 guns (two of these in the anti-aircraft variant), one 8 mm machine-gun and two twin 450 mm torpedo tubes. The crew was comprised by five officers and 100 ratings.

The six new destroyers were christened after mountains, lakes and provinces in Austria-Hungary, and all were built by Danubius at the the Porto R  shipyard facility at Kraljevica. First three units were completed in 1913, but the last three ships entered service after the outbreak of WW I.

Building data

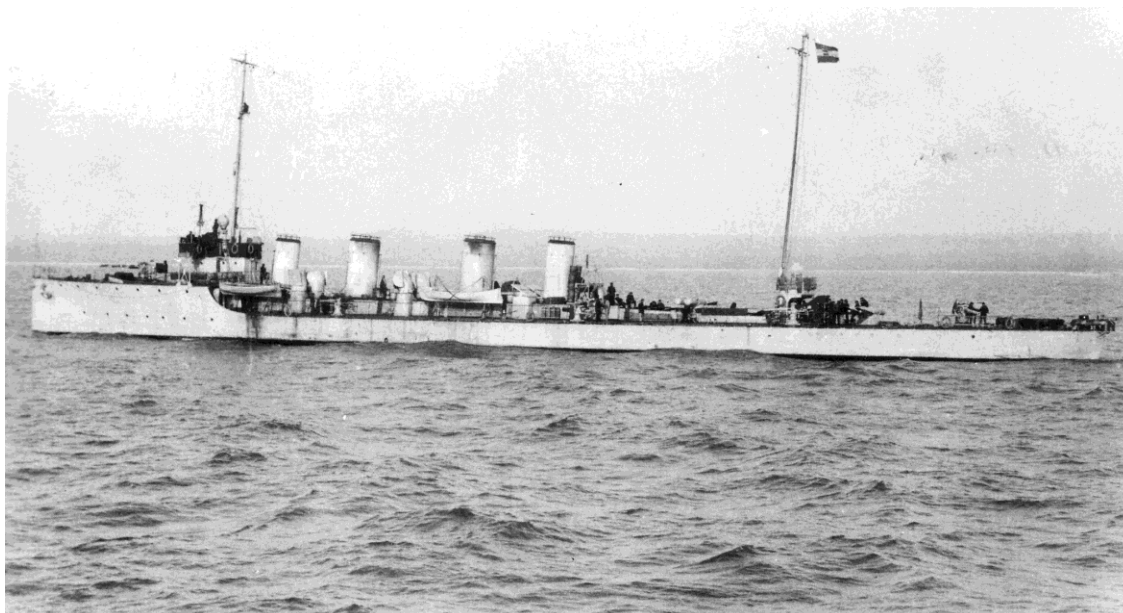
Name	Shipyard	Laid down	Launched	In service
T�tra	Danubius, Porto R�	19 Oct 1911	5 Nov 1912	12 Oct 1913
Balaton	"-	6 Nov 1911	16 Nov 1912	28 Oct 1913
Csepel	"-	9 Jan 1912	30 Dec 1912	29 Dec 1913
Lika	"-	30 Apr 1912	15 Mar 1913	8 Aug 1914
Triglav	"-	1 Aug 1912	22 Dec 1913	8 Aug 1914
Orjen	"-	4 Sep 1912	26 Aug 1913	11 Aug 1914

These fast, well armed and reliable destroyers were intensively used during the war on the Adriatic. SMS **T tra** was part of the squadron that sailed from Pola on August 7th, 1914 to meet and protect the German battle cruiser **Goeben** with her consort **Breslau** after shelling the French North African ports. Austria-Hungary was at this moment technically not in war with France and Great Britain, so it was probably better that both German ships proceeded to Constantinople and A-H fleet detachment returned to Pola on the same evening, without an encounter that could have thrown the A-H Navy into an not yet declared war. **T tra** was later in August searching for survivors of the A-H torpedo boat **26**, lost in an mine field off Pola and formed later with her sister-ships the 1st and the 2nd Group of the 1st Division of the 1st Torpedo Flotilla. **Balaton** and **Csepel** rescued on 13th August 1914 the survivors of the passenger ship **Baron Gautsch**, mined by a navigational error off Rovigno. The sporadically actions against the French Fleet entering the Adriatic on several occasions were fruitless, but after the Italian war proclamation against Austria-Hungary on 23 May 1915, the Imperial and Royal Navy responded in force and shelled Italian coastal cities, the units of the **T tra** class covering the battleships or serving with the scouting groups. **T tra** and **Lika** sank Italian destroyer **Turbine** on 24 May 1915 and **Balaton** destroyed on 29 December 1915 French submarine **Monge**, that was lying on the surface, waiting for A-H units to leave Cattaro. During the attack against Durazzo on the same day, **Lika** was mined and sunk in a newly laid French minefield, followed few hours later by the **Triglav**, damaged in the same minefield and scuttled because strong enemy naval forces were nearing the A-H unit slowed by the towed destroyer. **Csepel** was damaged during the same action, but the remaining destroyers and the fast scout cruiser **Helgoland** reached the safety of A-H naval bases after a long running battle. In the meantime the ships of the 1st Division were active against the Italian-occupied island of Pelagosa and later against the Otranto barrage, "constructed" by Entente naval forces to prevent German and A-H submarines to enter the Mediterranean and came back unmolested. **Csepel** lost her stern on 4th May 1916, being hit by an torpedo fired by the French submarine **Bernouille**, but she was later repaired and received an new stern, being lengthened to 85.28 m over all. During the well known attack of the fast A-H cruisers against the drifters of the Otranto barrage, in the night between 15th and 16th May 1917, the destroyers **Balaton** and **Csepel** - working independently - destroyed the Italian destroyer **Borea** and two of the three steamers from her convoy. The fast destroyers were later securing the operations of A-H seaplanes and shelling enemy coasts, and an typical action was the attack against Brindisi, undertaken on 18th/19th October 1917 by the cruiser **Helgoland** and the destroyers **Triglav**, **Lika** and **Csepel**.

The loss of the one third of the modern A-H destroyers was an heavy blow for the Imperial and Royal Navy, that at the outbreak of war cancelled the already authorised six additional units of the same class. So this decision was reversed in 1916, and four units of the slightly modified **T tra** class were ordered, to replace lost ships and to strengthen destroyer divisions. The construction

displacement was raised to 880 tonnes, but the full displacement of 1050 tonnes remained the same. They were 85,28 m long (like the repaired *Csepel*), but other characteristics were identical to the *Tátra* class. These destroyers were known as "*Ersatz Triglav*" class, being built by the Ganz-Danubius shipyards at Fiume and Porto R , and were named *Triglav* (II), *Lika* (II), *Dukla* and *Uzsok*. Last two names came from mountain passes in the Carpathians on the Russian war theatre. The ships were completed late in the war and entered service between July 1917 and January 1918.

Name	Shipyard	Laid down	Launched	Completed /Commisioned
<i>Triglav</i> (II)	Danubius, Fiume	24 Aug 1916	24 Feb 1917	9 Jun 1917 /27 Jul 1917
<i>Lika</i> (II)	Danubius, Fiume	24 Aug 1916	8 May 1917	6 Aug 1917 /5 Sep 1917
<i>Dukla</i>	Danubius, Porto R�	11 Sep 1916	18 Jul 1917	8 Oct 1917 /7 Nov 1917
<i>Uzsok</i>	Danubius, Fiume	25 Sep 1916	26 Sep 1917	18 Dec 1917 /25 Jan 1918

Lika (II) on sea

Up to eight ships of the *Tátra* and *Ersatz Triglav* classes were participating in most operations of the light units until the end of the war, lying mines, attacking Italian and Albanian coasts and protecting old battleships when shelled Italian positions on the South-Western war theatre. They were present but not involved in the sailors' mutiny in the Bocche di Cattaro during the first three days of February 1918. On 23/24th April 1918 *Triglav* (II), *Csepel*, *Uzsok*, *Dukla* and *Lika* (II) were sent again to attack Otranto barrage and encountered British destroyers *Hornet* and *Jackal*, that were heavily damaged during the short battle. A-H units returned to port pursued by Italian flotilla leaders *Mirabello* and *Poerio*, and destroyers *Bronzetti* (Italian), *Comet*, *Torrens*, *Redpole*, *Rifleman*, *Alarm* (British) and *Cimeterre* (French). The next great operation against the Otranto barrage was planned for 11th June 1918, but this action was cancelled after the loss of A-H dreadnought *Szent Istv n* on 10th June. Additionally to the scout cruisers of the *Spaun* and *Saida* class four units of the *T tra/Ersatz Triglav* class were to participate in this operation, namely *T tra*, *Csepel*, *Triglav* (II) and *Lika* (II). The war was nearing the end and these modern destroyers were to attack Italian coast during several actions.

The cease-fire found them lying in the Bocche di Cattaro on 31st October 1918, when all former A-H ships were transferred to the newly established State of Slovenes, Croats and Serbs (SHS).

In accordance with the peace treaties, all remaining A-H units were divided between victorious powers, notably Italy and France in case of *Tátra* and *Ersatz Triglav* class destroyers. Royal Italian Navy received *Tátra*, *Balaton*, *Csepel*, *Orjen*, *Triglav* (II), *Lika* (II) and *Uzsok*, and French Navy retained the destroyer *Dukla*. Italian units were renamed *Fasana*, *Zenson* (I), *Muggia*, *Pola*, *Grado*, *Cortelazzo* and *Monfalcone* respectively, and the single French unit became *Matelot Leblanc*. *Fasana* and *Zenson* (I) were already worn out, and were used only as a source of spare parts for remaining units, being stricken in 1923. *Muggia* (ex-*Csepel*) remained in service until 1929, being lost by stranding in Chinese waters on 25th March. *Pola* (ex-*Orjen*) was renamed *Zenson* (II) in 1931 and remained in service until 1937, having similar fate as her half-sisters *Grado* and *Cortelazzo* (former *Triglav* and *Lika* /II). Third Italian ship of the *Ersatz Triglav* class - *Monfalcone*, ex-*Uzsok* - was stricken in 1939, after serving on secondary duties in the later part of her career. *Matelot Leblanc* was tested by the French Navy (that was painfully missing this type of vessels during the Great War) and the experiences were probably useful for the design of the well known French *contre-torpilleurs*, built in series between the wars. The ship was stricken and scrapped in 1936.

All these strong and fast destroyers were forming the backbone of active Austro-Hungarian naval forces during the World War I on the Adriatic, together with scout cruisers of the *Spaun* and *Saida* classes. The short-sighted decision to cancel six more destroyers at the outbreak of the supposedly short war delayed the building and completion of these useful ships for two years. A flotilla of ten or twelve units of this class would have been an decisive factor during first war months against the Italian and other Allied Navies, probably changing the duration, but not the results of the naval war in the Adriatic. They were to be followed by even stronger Austro-Hungarian destroyers, projected during the war, that are to be described in detail in another article.

References:

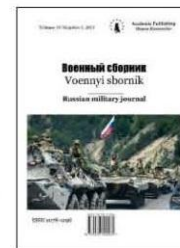
1. Franz F. Bilzer: Die Torpedoschiffe und Zerstörer der k.u.k. Kriegsmarine 1867-1918, H. Weishaupt Verlag, Graz 1990.
2. Harald Fock: Z-Vor!, Internationale Entwicklung und Kriegseinsätze von Zerstörern und Torpedobooten, 1914 bis 1939, Koehlers Verlag, Herford 1989.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94 (47)

Training Military Specialists in the North Caucasus Military District on the Eve of and in the Initial Period of the Great Patriotic War (1940-1942) *

Vladimir I. Afanasenko

Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center, RAS, Russian Federation
Researcher, Laboratory of History and Ethnography

Abstract. Extensive work was carried out in order to train military experts within all combat forces and branches of the armed forces on the eve of and in the initial period of the Great Patriotic War in the North Caucasus military district and in other military districts across the USSR. A unique way of preparing youth for professional military service was developed through specialised artillery, aviation and naval schools within the system of the People's Commissariat of Education in the USSR, the RSFSR, the Ukrainian SSR, Georgian SSR and Armenian SSR. Due to the beginning of the Second World War, the creation of a significant amount of new units and the deployment of the Peasants' and Workers' Red Army in accordance with the war establishment, there was an exponential increase in the need for commanding personnel in the lowest tier at the platoon – battery – flight – naval crew level. The system of training new military personnel that existed during peacetime underwent significant changes, primarily within the timelines afforded to training as well as the share of theory and practice time within the education process. Within the crisis situation of the first part of the war, military students together with their teachers would often be used as “emergency fire brigades” and sent to the most dangerous locations as part of consolidated cadet squadrons. In the southern wing of the Soviet-German front, cadets from military schools were used en masse in October and November of 1941 during the battles for Rostov-on-Don, in July and August of 1942 at the great bend of the Don in the preliminary stages of the Battle of Stalingrad as well as in the defensive period in the battle for the Caucasus.

Keywords: Military schools; military academies; North Caucasus military district; military training; cadets; Great Patriotic War.

Введение. Подготовку командных кадров и специалистов для РККА СССР к 1 июня 1941 г. вели 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 7 высших военно-морских, 203 военных училища, 68 курсов усовершенствования командного состава, где обучалось свыше 300 тыс. курсантов и слушателей. [1]. В течение 1939–1941 гг. были дополнительно открыты 77 вузов. Такое количество учебных заведений отвечало потребностям войск, но не обеспечивало качество подготовки, так как не хватало преподавательских кадров, техники учебно-боевой и учебной групп, учебно-материальная и хозяйственно-бытовая базы были явно недостаточны для нормального обеспечения учебного процесса, особенно во вновь образованных училищах.

* Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

Результаты. На качество обучения влиял и тот факт, что большинство отобранных курсантов имели чрезвычайно низкий общеобразовательный и технический уровень подготовки, а среди преподавательского состава высоко эрудированные и опытные педагоги составляли единицы. Все это касалось в первую очередь танковых, связи, авиационных и артиллерийских училищ, школ и учебных частей. Так, в училищах ВВС всего имелось 3 984 самолета, но вместо положенных 1 276 бомбардировщиков СБ имелось 535, горючим они были обеспечены на 41,4 %, преподавательским составом — на 44,1 % [2]. Экономия моторесурсов, прежде всего новых образцов техники в авиации и в танковых войсках, не позволяла обучаемым приобретать достаточные навыки в их использовании. За 1940–1941 гг. программы обучения менялись 8 раз в сторону их сокращения, что также не улучшало качество подготовки. Практически не проводилось обучение тактике ведения воздушных боев, бомбометания и атак с малых высот и пикирования, исполнения фигур высшего пилотажа. В пехотных и артиллерийских училищах мало внимания уделялось тактике ведения оборонительных действий, взаимодействию с другими родами войск, организации управления и тылового обеспечения, стрельбе с закрытых позиций и прямой наводкой, особенно по бронеем объектам, неоправданно много времени уделялось конной, строевой подготовке в ущерб огневой и тактической. Примерно такая же ситуация наблюдалась и в училищах других родов войск. Качество подготовки было принесено в жертву количеству, что, безусловно, позволило «заткнуть дыры» в штатах частей, но не способствовало серьезному подъему их боеготовности. Исключение составляли выпускники медицинского, юридического, интендантского профиля и кавалеристы, подготовка которых не требовала привлечения техники и серьезных материальных затрат. В апреле – июне 1941 г. часть военных учебных заведений, расположенных в западных приграничных округах, после досрочных выпусков молодых командиров, была перемещена во внутренние военные округа. В июле-августе 1941 г. большинство училищ и военно-технических школ наркомата обороны СССР были эвакуированы на восток. Военно-учебные заведения, действующие на территории СКВО в сентябре-октябре 1941 г., указаны в таблице 1:

Таблица 1

Военные училища СКВО в 1940–1942 гг. [3]

№	Название училища	Начальник училища	Участие в войне	Дислокация
1	Новочеркасское кавалерийское училище	Полковник Байков Б.А.	12.10.41 - 18.10.41 06.08.42 - 06.09.42 Сводный кав.полк: 18.10.41 - 07.11.41	Новочеркасск
2	1-е Ростовское артиллерийское училище противотанковой артиллерии.	Полковник Яковлев Д.П.	11.10.41 - 22.11.41 ПТО батарея ст. л-та Розенко: 09.10.41 - 22.11.41 батарея ст. л-та Иванова.	Ростов-на-Дону.
3	Краснодарское зенитное артиллерийское училище	генерал-майор артиллерии Степанов К.Н.		Краснодар
4	1-е Краснознаменное Орджоникидзевское военное пехотное училище	полковник Нечаев А.Н.		Орджоникидзе
5.	2-е Орджоникидзевское военное пехотное училище.	полковник Бабушкин А.А. Замполит брига.комиссар Гурковский А.Н.		Орджоникидзе

6	3-е Орджоникидзевское военное пехотное училище	комбриг Запорожченко М.И.	курсантский стрелковый полк: 16.07.42 - 03.09.42	Орджоникидзе
7	1-е Грозненское пехотное училище	Полковник Сытников В.Г. полковой комиссар Брансбур Л.Ш.	курсантский стрелковый полк: 16.07.42 - 03.09.42	Грозный
8	2-е Грозненское пехотное училище	Полковник Силагадзе И.А.		Грозный
9	Урюпинское военное пехотное училище	Генерал-майор Ивановский С.А.	сводный курсантский полк: 29.07.42 - 03.09.42	Урюпинск, Нальчик
10	1-е Краснодарское пехотное училище	Полковник Пыхтин А.М.	1 Краснодарское пехотное училище: 23.10.41-31.12.41	Краснодар
11	2-е Краснодарское (Винницкое) стрелково- пулеметное училище	генерал-майор Козлов М.И.	2-е Краснодарское пехотное училище: 23.10.41 - 31.11.41 курсантский стрелковый полк: 16.07.42 - 03.09.42	Краснодар Обращено на формирование сводного курсантского полка 64 А 03.09.42
12	1-е Астраханское стрелково- пулеметное училище	Полковник Шапкин И.С.	1-е ПУ -1 сводный стрелковый полк: 01.08.42 - 10.09.42 899 стрелковый полк 248 сд - с 10.09.42	Астрахань
13	Буйнакское пехотное училище	Полковник Пичугин М.А	Создано по дир-ве НКО ВС СКВО № 4/2/103012 от 31.12.1939 численностью 1600 человек	Буйнакск
14	Ростовское (Житомирское) пехотное училище	Полковник Гусев И.Н.	09.10.41 - 05.12.41 курсантский стрелковый полк: 20.07.42 - 03.09.42	Ростов-на-Дону
15	2-е Астраханское стрелково- пулеметное училище		2-е ПУ -2 сводный стрелковый полк: 01.08.42 - 10.09.42 902 СП 248 СД - с 10.09.42	Астрахань
16	Махачкалинское пехотное училище			Махачкала
17	Ворошиловское военно- политическое училище			Ворошиловск (Ставрополь)
18	2-е Ростовское артиллерийское училище противотанковой	комбриг Румянцев М.Д. бригадный комиссар	1-й сводный курсантский полк: 10.10.41 - 25.10.41 ПТО батарея:	Ростов-на-Дону

	артиллерии.	Трубников	05.10.41 - 18.10.41 ОИПТД: 14.07.42 - 12.08.42	
19	Ростовское военно- политическое училище	Старший батальонный комиссар Рудин	13.10.41 - 07.08.42 07.08.42 - 03.09.42	Ростов-на-Дону
20	Сталинградское военно- политическое училище СКВО		12.07.42 - 11.09.42	Сталинград
21	Краснодарское артиллерийское училище им. Красина (1)			Краснодар
22	Армавирская военная авиационная школа пилотов			Армавир
22	Краснодарское пулеметно- минометное училище	Полковник Мустафин Н.В.	Курсантский стрелковый полк: 20.07.42 - 03.09.42	Краснодар Обращен на формирование сводного курсантского полка 64 А 03.09.42
23	Краснодарское артиллерийско- минометное училище		Краснодарский минометный полк: 07.08.42 - 21.09.42	Краснодар
24	Орловское бронетанковое училище им. М.В. Фрунзе	Майор Богданов	Танковая бригада: 29.07.42 - 20.08.42: Св.тб 6.08.42 - 9.08.42 Св.т р 10.8.42- 20.8.42	Майкоп
25	Полтавское военно-тракторное училище	полковник Садовский С.П.	Св. полк:6.8.41- 14.9.41 Св. б-н 4.8.42- 3.9.42 Гр. ст.л-та Кириллова: 09.08.42 - 12.09.42 Гр. капитана Плешева: 17.08.42 - 13.09.42	Нальчик училище переформировано в Полтавское ТУ 24.10.42
26	Орджоникидзевское военное училище связи			Орджоникидзе
27	Таганрогская военная авиационная школа пилотов имени В.П.Чкалова			Таганрог

28	Орджоникидзевское пехотное училище НКВД им. С.М. Кирова	Подполковник Милонов А.А.		Орджоникидзе
29	Ейское военно-морское авиаучилище летчиков имени И.В. Сталина	Майор Андреев А.А.		Ейск
30	Черноморское высшее военно-морское училище	Капитан 1-го ранга Апостоли Б.Н.	4.11.41 – обращено на формирование 76-й ОМСБр	Ростов-на-Дону (с августа 1941 г.)
31	Краснодарское военно-авиационное училище летнабов и штурманов	Полковник Ошурков Л.Я.	Летный состав училища: 10.11.41 - 12.12.41 Эскадрилья СБ: 27.08.42 - 17.10.42	Краснодар
32	Сталинградская военная авиационная школа имени Сталинградского Краснознаменного пролетариата	Полковник Нечаев И.К.		Сталинград
33	Батайская военная авиационная школа пилотов имени Серова	Полковник Кутасин А.И.	Летный состав : 01.08.41 - 10.10.41 Два истребительных авиационных полка: 07.07.42 - 31.10.42	Батайск, Ростовская область
34	10-ю Ростовская специальная школа ВВС Наркомпроса СССР			Ростов-на-Дону
35	11-я Ростовская специальная артиллерийская школа			Ростов-на-Дону
36	12-я Краснодарская специальная школа ВВС			Краснодар
37	7-я Сталинградская специальная школа ВВС			Сталинград

Подготовка сержантов и младших специалистов имела те же недостатки, что и командных кадров офицерских должностей, но их подготовка проводилась в учебных и запасных частях и требовала меньше времени. Правда, оснащенность техникой и вооружением, учебно-материальная база этих частей была еще хуже, чем в училищах.

В СКВО подготовкой младших командиров занималась 15-я запасная учебная бригада трехполкового состава.

Особую группу подготовки будущих командиров для армии составляли специальные школы Наркоматов просвещения РСФСР и УССР. По решению Правительства от 5 мая 1937 года пять московских средних школ Наркомата просвещения в экспериментальном порядке приступили к обучению юношей 8-10 классов по специальной программе, согласно которой математика, физика, химия, черчение и военное дело изучались приближенно к программам военных училищ. Школы комплектовались учащимися, которые успешно окончили 7 классов и были годны по состоянию здоровья для поступления в военные училища. В соответствии с Положением о специальных школах их выпускники могли после 10 класса поступать в любое военное училище. Однако уже в ноябре 1937 года в Положение было внесено уточнение, по которому все спецшколы становились артиллерийскими, а их выпускники шли на комплектование артиллерийских училищ. Об этом изменении первым спецшкольникам объявил начальник артиллерии РККА комкор (впоследствии Главный маршал артиллерии) Н.Н.Воронов в здании Московской консерватории, где были собраны учащиеся. Артиллерийские спецшколы предназначались для укомплектования артиллерийских военных училищ подготовленной в военном отношении молодежью. В апреле 1938 года первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев призвал комсомол посылать своих лучших представителей в артиллерийские училища и специальные артиллерийские школы. В артиллеристы звала не столько романтика военной службы, сколько роль этого грозного рода войск и, прежде всего, осознание долга по защите своего Отечества. К обучению было привлечено около семи тысяч человек. В Ростове-на-Дону была открыта специальная артиллерийская школа № 11. Наркомат обороны делал все, чтобы новое патриотическое начинание в Красной армии не осталось незамеченным. С мая 1938 года личный состав пяти московских артиллерийских спецшкол принимал участие в военных парадах на Красной площади. Трибуны всегда встречали юных артиллеристов аплодисментами. Каждая из созданных артиллерийских спецшкол приравнивалась к войсковому дивизиону, разделенному на батареи. В период лагерного сбора учащиеся практически осваивали артиллерийское и стрелковое оружие, вплоть до проведения учебно-боевых стрельб. В летних лагерях проводились занятия на местности по тактике и топографии. Многие юноши мастерски овладевали практическими навыками сборки и разборки стрелкового оружия и технического обслуживания артиллерийских орудий. Осенью 1938 года состоялся первый выпуск будущих артиллеристов. Около трех тысяч воспитанников были зачислены курсантами военных артиллерийских училищ, что сразу повысило профессиональный уровень этих учебных заведений в подготовке командиров для артиллерии Красной армии. В 1940 году, когда артиллерийские спецшколы выявили все положительные стороны такой формы подготовки молодежи к кадровой военной службе, особенно в войсках, оснащенных сложной военной техникой, были созданы в дополнение к артиллерийским 20 спецшкол ВВС и 7 спецшкол ВМФ. Спецшколы ВВС были созданы по аналогу артиллерийских спецшкол.

В данные учебные заведения принимались юноши, окончившие 7-й, 8-й или 9-й классы. Желавших учиться было много, но пройти отбор могли только лучшие. Выпускники спецшколы получали среднее образование и право на поступление без экзаменов в одно из высших военно-морских или летных училищ страны. Спецшколы ВВС были сформированы, как правило, в городах, где были летные училища. В Ростове-на-Дону была открыта спецшкола ВВС № 10, в Сталинграде - №7, в Краснодаре - №12. Большую роль в создании специальных школ для ВВС сыграл прославленный летчик М.М. Громов. При его непосредственном участии в мае 1940 года руководство ВВС обратилось в правительство с просьбой «организовать... авиационные спецшколы Наркомпроса по типу артиллерийских с обязательным ежегодным выходом в лагерь, с организацией общежитий (интернатов) для иногородних учеников». В ноябре 1940 г. вышло Постановление: «В целях подготовки кадров для комплектования военно-воздушных училищ, летчиков и летчиков-наблюдателей ВВС Красной армии предложить Совнаркомам РСФСР, УССР, БССР, Грузинской ССР и Армянской ССР организовать в системе народных комиссариатов просвещения 20 специальных средних школ Военно-воздушных сил (в составе восьмого, девятого и десятого классов)». Тем же числом было утверждено Положение о спецшколах ВВС: по

500 человек, начало занятий — 2 января 1941 года. Важной особенностью авиационных школ были высокие требования к здоровью учащихся.

В строевом отношении личный состав спецшколы (400–500 человек) представлял собой батальон. Группы параллельных классов одного года обучения назывались ротами, или в артиллерийских — батареями. Рота состояла из пяти взводов (в обычных школах они называются классами), взводы состояли из отделений. Учащимся была установлена военная форма. Для сухопутных спецшкол: однобортный китель, диагональные брюки с кантом (красным или голубым), гимнастерка и брюки защитного цвета, черные ботинки фабрики «Скороход» и фуражка с отличиями по родам войск. В зимнее время предусматривалась особая (офицерского) покроя шинель. На петлицах сверкали две металлические буквы «СШ». У артиллеристов на черных петличках была эмблема — скрещенные артиллерийские стволы, у авиаторов — крылья на голубых петлицах. Моряки носили матросское обмундирование. Начальник спецшколы и заведующий учебной частью (завуч) назначались из гражданских лиц, еще два заместителя были кадровыми военными — один по политической части, второй — по строевой, он же являлся командиром отдельного батальона. Обязанности командиров рот и взводов исполняли классные руководители из преподавательского состава. Старшины рот, батарей, помощники командиров взводов и командиры отделений назначались из числа лучших учащихся, обладающих командными навыками. Для преподавания общеобразовательных дисциплин, как правило, удавалось привлечь опытных педагогов. Обучение военным предметам велось кадровыми командирами Красной армии, среди которых были имеющие боевой опыт и награжденные орденами и медалями. А это имело важное воспитательное значение. Обучение проводилось в соответствии с программами Наркомпроса. Особое внимание уделялось естественнонаучным дисциплинам и изучению иностранного, как правило, немецкого, а для моряков — английского языков. Жизнедеятельность спецшкол регламентировалась общим Уставом средней школы и Правилами внутреннего порядка в специальных средних военных школах. Летом предусматривался ежегодный 45-дневный лагерный сбор. Внутренний распорядок определялся «Положением о спецшколах». Местные школьники ночевали дома, в школу они являлись к утреннему построению, затем следовала поверка и зарядка, после чего — завтрак, занятия, обед, самоподготовка, ужин. Для тех, кто жил в интернате, вечернее время было свободным. Жизнь спецшкол была тесно связана с культурной и спортивной жизнью своих городов. Постоянными гостями в спецшколах были популярные артисты, известные писатели и поэты, спортсмены. Поддерживался тесный контакт спецшкол с предприятиями и общеобразовательными школами.

В предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны специализированные школы стали одним из важнейших источников комплектования артиллерийских, военноморских и авиационных училищ. Уже к маю 1942 года спецшколы (артиллерийские, ВМФ и ВВС) передали Армии и Флоту 15 тысяч своих воспитанников. Большинство из них достойно сражались на фронтах с немецко-фашистскими захватчиками. Более 40 из этих выпускников стали Героями Советского Союза. Специальные артиллерийские школы существовали девять лет. За это время они подготовили 12 тысяч офицеров-артиллеристов, внесли свой вклад в победу над врагом и, выполнив свои функции, были расформированы в 1946 году. Спецшколы ВВС СССР были расформированы в 1955 году. За 15 лет существования (1940–1955 гг.) спецшколы ВВС окончили более 40.000 юношей, которые в дальнейшем связали свою жизнь со службой в авиации страны или стали высококвалифицированными специалистами в других областях. Выпускники спецшкол отважно сражались на фронтах Великой Отечественной войны, активно участвовали в создании и освоении новой авиационной и космической техники. Из славной плеяды Героев Советского Союза этого почетного звания удостоились 23 воспитанника спецшкол, четверо стали дважды Героями, пятеро — Героями Социалистического Труда, 45 — заслуженными летчиками-испытателями, 12 — заслуженными штурманами-испытателями, 42 — заслуженными военными летчиками. 13 воспитанников спецшкол удостоены высоких званий лауреатов Ленинской и Государственной премий. Много лет успешно руководил работой крупнейшего в мире завода «Ростсельмаш» воспитанник 10-й Ростовской спецшколы ВВС Герой Социалистического Труда Юрий Песков. Доблестно защищал нашу Родину в годы Великой Отечественной войны Анатолий Брандыс, ставший дважды Героем

Советского Союза. Всему миру известны имена летчиков-космонавтов Владимира Шаталова, Анатолия Филипченко, Владимира Комарова, Георгия Шонина, врача-офтальмолога Святослава Федорова. Воспитанники спецшкол за добросовестную службу удостоились высоких воинских званий. Маршал авиации Александр Волков окончил Курскую спецшколу, генерал армии Виктор Прудников – Ростовскую, Герой России генерал армии Петр Дейнекин – Харьковскую. Сотни «спецшкольников» имеют государственные награды.[4]

Осенью 1941 года критическая обстановка сложилась на подступах к Ростову. В сентябре 1941 года в гарнизон Ростова-на-Дону входили пять военных училищ: Ростовское (бывшее Житомирское) пехотное, 1-е и 2-е Ростовские артиллерийские училища противотанковой артиллерии (РАУ ПТА), Ростовское военно-политическое, Черноморское высшее военно-морское имени М.В.Фрунзе, а также Новочеркасское кавалерийское. В первой декаде октября 1941 г. 1-я танковая армия вермахта генерал-полковника Э. фон Клейста, во взаимодействии с 11-й полевой армией генерал-полковника Э фон Манштейна, окружила в районе Черниговки основные силы советских 9-й и 18-й армий Южного фронта и совершила стремительный прорыв в направлении Таганрога, важного центра оборонной промышленности, порта и аэродромного узла, всего в 65 км западнее Ростова-на-Дону. Прорыв стал шоком для командования Северо-Кавказского военного округа. 9 октября 1941 г. Военный совет СКВО (генерал-лейтенант Ремезов Ф.Н., корпусный комиссар Мельников В.Н., полковник Бармин Л.М.) вместе с политическим и советским руководством Ростовской области (Двинский Б.А., Кипаренко И.П., Мотинов М.В.) приняли экстренные решения по недопущению захвата «ворот Кавказа». Военные училища были преобразованы в сводные курсантские полки: 2-е РАУ ПТА стало 1-м сводным курсантским полком, РПУ (бывшее Житомирские пехотное) - 2-м сводным курсантским полком, 1-е РАУ ПТА - 3-м сводным курсантским полком, РВПУ- 4-м сводным курсантским батальоном, Новочеркасское КУ – 5-м сводным курсантским полком, Черноморское ВВМУ имени М.В.Фрунзе – 6-м сводным курсантским полком. Вместе с отдельными полками НКВД (33-й МСП, 230-й полк конвойных войск), 16-м запасным железнодорожным полком, 10-й минометным батальоном курсантские полки получили конкретные участки обороны на западных подступах к Ростову-на-Дону. Побережье Азовского моря приказом штаба СКВО № 002 прикрыли противодесантной обороной курсанты и преподаватели 1-го Краснодарского и 2-го Орджоникидзевского пехотных военных училищ [5].

9 октября 1941 г. сводные батареи 45-мм противотанковых орудий (по 6 орудий в батарее), из учебной матчасти 1-го и 2-го РАУ, были оперативно переброшены на западный берег р.Миус: батарея 1-го РАУ (на конной тяге) под командованием ст. лейтенанта Розенко заняла огневые позиции на северной окраине села НОСОВКА, перекрывая шоссе Мариуполь- Таганрог. Батарея 2-го РАУ, имевшая 6 тягачей А-20 «Комсомолец», встала на огневые позиции в районе Сарматских хуторов, на стыке дорог из Федоровки на Покровское, закрывая выход к мосту через Миус у села Троицкое. В состав пехотного прикрытия огневых позиций артиллеристов было выделено всего по 30 курсантов из учебного зенитного артиллерийского дивизиона. В течение двух суток курсанты удерживали свои позиции. Только расчеты 1-го РАУ метким огнем уничтожили 4 машины с пехотой, несколько бронемашин. Батарея 2-го РАУ отбила несколько атак танков и мотопехоты противника, используя пулеметы бронированных тягачей «Комсомолец» и отошла на восточный берег Миуса лишь 11 октября, после общего отхода войск Таганрогского боевого участка. Среди курсантов воевали будущие Герои Советского Союза – курсант 1-го РАУ, выпускник 1942 г., Черкашнев Иван Трофимович (Золотая Звезда №3120) и курсант 2-го РАУ Федорин Иван Ильич (Золотая звезда №2490).

Для усиления стыка 339-й Ростовской и 31-й Сталинградской стрелковых дивизий на западный берег р.Миус был выдвинут 2-й сводный курсантский полк Ростовского пехотного училища, который в течение 14-17 октября удерживал рубеж: Большая Неклиновка, Покровское, высота 51,5, отражая атаки частей 13-й танковой дивизии и моторизованной дивизии СС «Лейб-штандарт Адольф Гитлер». В составе полка сражались - будущий Герой Советского Союза Коваленко Григорий Васильевич и будущий шеф КГБ СССР, Герой Социалистического Труда, генерал армии Чебриков Виктор Михайлович. Прорвав кольцо окружения, благодаря жертвенной атаке казаков 66-й Армавирской кавалерийской

дивизии, курсанты РПУ вместе с эскадронами полковника Григоровича В.И. в течение 18-21 октября сдерживали атаки 14-й танковой дивизии вермахта. Курсанты последовательно вели бои на рубежах: выс.107,8, балка Копани; Горская Парада, Любовка; Чистополье, Стоянов, удерживая вместе с остатками 66-й дивизии фронт в 15 километров.

Под прикрытием частей и соединений 9-й армии, куда 17 октября вошли части и подразделения Таганрогского боевого участка (31-я, 150-я, 339-я стрелковые, 66-я кавалерийская дивизии, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й сводные курсантские полки), на западных подступах к Ростову-на-Дону 18-20 октября заняли оборону две дивизии 56-й Отдельной армии. Эта армия была сформирована в течение трех дней по директиве Ставки ВГК от 15 октября 1941 года специально для защиты Ростова – стратегически важного центра, «ворот Кавказа». Для усиления необстрелянных, только что сформированных дивизий, они были усилены сводными курсантскими батальонами. Батальон Ростовского пехотного училища придан 353-й Новороссийской стрелковой дивизии полковника Панченко Г.Ф., а 3-й сводный курсантский полк (1-е РАУ) – 343-й Ставропольской стрелковой дивизии полковника Чувашева П.П. Курсантские батальоны занимали рубеж: высота 110,2; высота 97,3; Ленинован, разъезд Западный. 5-й сводный полк полковника Байкова Б.А. (Новочеркасское кавалерийское училище) приказом командования 9-й армии было отведено в резерв, в район Барило-Крепинская, хутор Лятинский, а с 22 октября отправлено в тыл. Побережье Азовского моря, от устья Дона до Ейска и Тамани, также прикрывали курсанты военных училищ. Согласно боевому приказу № 05 штаба 56-й Отдельной армии охрану побережья на участке от села Кагальник до Бейсугского лимана несли: 1-е Краснодарское пехотное училище, а от Бейсугского лимана до Ейска – 2-е Орджоникидзевское пехотное училище. Черноморское высшее военно-морское училище (6-й сводный курсантский полк) под командованием капитана 1-го ранга Апостоли Б.Н. было отведено в Пятигорск. 4 ноября 1941 года на базе училища была сформирована 76-я отдельная морская стрелковая бригада.

17 ноября отборные дивизии 1-й танковой армии вермахта начали штурм Ростова-на-Дону. В районе хутора Каменный Брод занимали оборону курсанты 14 ноября 3-й сводный курсантский полк (Первое РАУ) под командованием полковника Попова занял оборону на правом фланге необстрелянной 317-й Бакинской стрелковой дивизии, в полосе: хутор Каменный Брод, высота 62,1. Второй сводный курсантский полк (Ростовское пехотное училище) двумя батальонами занимал оборону в полосе Грушевская (восточная), хутор Татарский, на участке 68-й Донской кавалерийской дивизии. Сводный курсантский батальон Ростовского военно-политического училища готовил предместные укрепления (тет-де-поны) на правом берегу Дона, в районе обоих железнодорожных мостов и автогужевого, в створе Буденовского проспекта. 13 ноября курсанты 3-го сводного полка были усилены 5-й батареей 907-го артиллерийского полка 347-й стрелковой дивизии. Батарея заняла огневые позиции в районе МТФ, что в трех километрах северо-восточнее хутора Щепкин. Накануне штурма Ростова-на-Дону, 16 ноября 1941 года, противник проводил разведку боем и утром атаковал боевое охранение 1-го РАУ на кургане Бабичий, что северо-западнее хутора Каменный Брод, и после короткого боя заняли курган. Курсантов усилили батареей 476-го пушечного артиллерийского полка и после огневого налета артиллерии контратакой двух курсантских рот курган Бабичий был отбит и боевое охранение снова заняло свои стрелковые ячейки....

17 ноября соединения Клейста, используя плохую видимость вследствие густого тумана, начали наступление на Ростов в полосе необстрелянной 317-й стрелковой дивизии полковника Середкина И.В. и к исходу дня овладели селом Большие Салы. В бою с прорвавшимися танками противника погиб командир дивизии. Правофланговый 761-й стрелковый полк удержал позиции во многом благодаря стойкости курсантов 1-го Ростовского артиллерийского училища противотанковой артиллерии у хутора Каменный Брод. Курсантов с вечера 17 ноября стал поддерживать 3-й дивизион 476-го пушечно-артиллерийского полка РГК майора Стычинского. [6] Это помогло в течение 18-го и первой половины дня 19 ноября поредевшим курсантским ротам отбивать атаки 60-й моторизованной дивизии, усиленной ротой боевых машин 14-й танковой дивизии. Лишь после неоднократных атак, используя многократное численное и огневое превосходство, враг во второй половине дня 19 ноября прорвал оборону 3-го сводного полка на участке

Каменный Брод, высота 83,6. Первый батальон курсантов удерживал две господствующие высоты — курган Пять Братьев и курган Бабичий - до последнего. Из 354 человек в живых осталось лишь восемь израненных курсантов. В бою отличились курсанты Петренко И.П. и Русейкин А.В., ставшие впоследствии Героями Советского Союза. В ночь на 19 ноября остатки 3-го сводного полка получили приказ: сменить эскадроны 70-й кавалерийской дивизии на участке: (исключая) Каменный Брод, высота 77,3; могила Курнакова, высота 106,5. В ночь на 20 ноября боевым приказом №035 штаба 56-й Отдельной армии 3-й сводный курсантский полк и 68-я кавалерийская дивизия должны были прикрыть участок: Каменный Брод, балка Рубежная, высота 115,8; стык дорог, что в трех километрах севернее Аксайская. В течение 20 ноября на этом рубеже шли тяжелые бои. Остаткам 3-го сводного курсантского полка пришлось прорываться сквозь заслон мотоциклистов с пулеметными колясками и танки противника. 21 ноября курсанты 1-го РАУ, переправившись через Дон в станице Старочеркасской, сосредоточились в хуторах Верхне-Подпольный, Красный Ловец. В строю осталось 80 курсантов из 1427, вступивших в бой. [7]. В течение 22-23 ноября 1941 г. в хутор прибыли преподаватели и курсанты, остававшиеся в РАУ. В ночь на 23-е ноября уцелевший личный состав 1-го Ростовского артиллерийского училища противотанковой артиллерии убыл для продолжения учебы в Воронцово-Александровское. 22 курсанта были награждены орденами и медалями.

Две роты курсантов Ростовского пехотного училища вместе с эскадронами 68-й Донской кавалерийской дивизии прикрыли Новочеркасск с запада и северо-запада в полосе: Грушевская, высота 123,2; Большой Мишкин. 24-27 ноября 1941 г. войска 56-й Отдельной армии готовились к наступлению на Ростов-на-Дону. 26 ноября 4-й сводный батальон Ростовского военно-политического училища вместе с 16-й Грозненской курсантской стрелковой бригадой полковника Людникова И.И. вошел в состав Восточной оперативной группы генерал-майора Гречкина А.А. Остатки 2-го сводного курсантского полка (РПУ) действовали в составе Новочеркасской оперативной группы (68-я КД, 317-я СД, 6-я ТБР) 9-й армии Южного фронта. В состав Западной оперативной группы войск 56-й армии под командованием генерал-майора Козлова П.С. вошла 13-я отдельная курсантская стрелковая бригада подполковника Колесникова В.П., занявшая исходное положение для наступления в полосе: хутор Калинин, хутор Семерниково.

В течение 27-29 ноября 1941 года шли тяжелые бои. 16-я курсантская стрелковая бригада с левого берега Дона, от хутора Махин наступала на Большой Лог и станицу Аксайская. Ростовское пехотное училище, наступая с 68-й кавалерийской дивизией, к 18-00 27 ноября вышло на рубеж: курган Пять Братьев, северная окраина Раковка [8]. На следующий день, 28 ноября, остатки рот Ростовского пехотного училища овладели селом Раковка. 16-я отдельная курсантская бригада, во взаимодействии с частями 353-й стрелковой дивизии, очистила от противника станицу Аксайская, а курсанты военно-политического училища вместе с 64-й кавалерийской дивизией — хутор Большой Лог [9]. В субботу, 29 ноября, курсанты 13-й и 16-й отдельных стрелковых бригад, остатки 2-го и 4-го сводных курсантских полков очистили от врага восточные, северные и западные окраины Ростова-на-Дону. После освобождения города, 30 ноября 1941 г. уцелевших курсантов и преподавателей Ростовских пехотного и военно-политического училищ вывели из боя и отправили на учебу. В боях за освобождение города Ростова-на-Дону курсантские части и соединения понесли большие потери. 13-я отдельная курсантская стрелковая бригада потеряло за 28-29 ноября убитыми 115, ранеными 421, пропавшими без вести -167 бойцов и командиров [10]. 16-я Грозненская курсантская отдельная стрелковая бригада за 28 ноября - 4 декабря потеряла убитыми и ранеными 96 командиров и 1387 курсантов. [11]

В боях за Ростов-на-Дону курсанты и преподаватели шести военных училищ и сформированных на базе военных училищ Краснодара и Грозного 13-й и 16-й отдельных курсантских стрелковых бригад проявили стойкость и массовый героизм, внесли весомый вклад в первую стратегическую победу советских войск на южном крыле советско-германского фронта.

Курсантские полки под Сталинградом.

Директивой Ставки ВГК № 1035064 от 13 июля 1942 г. командующему СКВО было приказано: немедленно отправить по железной дороге в распоряжение командующего Сталинградским фронтом три училища - 2-е Орджоникидзевское, Житомирское пехотные и

Краснодарское пулеметно-минометное. Станциями погрузки указывались станции Ремонтная, Зимовники, Трубецкая [12]. Следом в большую излучину Дона, в состав 62-й и 64-й армии Сталинградского фронта, отправились сводные курсантские полки Винницкого, 1-го и 3-го Орджоникидзевского, Грозненского, Краснодарского пехотных училищ и сводного артиллерийского дивизиона Ростовского артиллерийского училища противотанковой артиллерии. Большая часть курсантов Нальчикского, Урюпинского и 2-го Грозненского училищ влилась в состав 192-й стрелковой дивизии полковника Захарченко А.С. К 15 июля 1942 г. курсантские полки имели до 2500 человек личного состава. Кроме этих училищ, в конце августа 1942 г. на ближних подступах к городу вступили в бой курсантские батальоны Сталинградского военно-политического и Сталинградского танкового училищ. 90% курсантов перед боями уже были аттестованы на звание "младший лейтенант", но не успели получить офицерского звания и на фронт отправились рядовыми бойцами.

Боям за главную полосу обороны предшествовали бои передовых отрядов. В них входили и курсантские полки. Только что покинувшие стены военных училищ, молодые офицеры шли в свою первую атаку как рядовые бойцы. Неувядаемой славой покрыли себя курсантские полки Краснодарского, Грозненского, Винницкого, 2-го Орджоникидзевского училищ, приданные различным дивизиям 62-й армии. Некоторые из них прибыли в донскую степь раньше самой армии и стали ее передовыми отрядами, боевым охранением, а затем нередко использовались в качестве надежных отрядов прикрытия. Курсанты доблестно сражались на всех участках фронта, но их ряды день ото дня убывали. "Это – полки героев", - сказал о них командующий 62-й армии генерал В.Я. Колпакчи. К сожалению, к середине августа в строю остался лишь один полк курсантов, находящийся в резерве. Сводный курсантский полк Краснодарского пехотного училища под командованием генерал-майора Гудкова Д.И., подчиненный 33-й гвардейской стрелковой дивизии, погиб полностью в боях с 25 июля по 11 августа [13].

Курсанты были грозой для врага, как и морская пехота. Один пример. Когда немецкой разведке в конце июля сорок второго года стало известно о появлении в большой излучине Дона курсантских формирований, у командующего 6-й армией вермахта Фридриха Паулюса состоялся такой разговор с начальником штаба армии: «Шмидт, надеюсь, вы хорошо осведомлены о роли русских юнкеров в битве за Москву и Петербург?» – «Да, господин генерал, осенью 41-го подольские юнкера под Москвой сделали почти невозможное». – «Что представляют собой 33-я гвардейская дивизия и приданные части усиления 62-й армии?» – «По данным разведки, она состоит из кадровых десантников и юнкерских училищ». – «Десантники, юнкера? Это уже серьезно, Шмидт. Рота русских десантников и юнкеров по боевой мощи равна пехотному батальону. Необходимо учитывать это при планировании операций. Дивизия юнкеров, десантников и морские пехотинцы – достаточно серьезный противник» [14].

Курсанты сражались под Сталинградом с 16 июля 1942 года по 1 января 1943-го, до конца выполнив свой долг. В сентябре-ноябре 1942 года из оставшихся подразделений военных училищ 62-й и 64-й армий было сформировано два сводных курсантских полка под командованием полковника С.П. Затулея и полковника И.И. Мельдера. Всем оставшимся в строю курсантам приказом по военному совету 64-й армии были присвоены офицерские звания. Все курсанты, получившие звания, и офицеры, служившие в курсантских полках, были назначены на командные должности в соединения 64-й армии. В начале января сорок третьего сводный курсантский полк вошел в состав 29-й стрелковой дивизии уже как ее 128-й стрелковый полк. В его рядах курсанты участвовали в уничтожении окруженной группировки Паулюса. [15]

Говоря о героизме курсантов, заместитель командующего Юго-Восточным фронтом, будущий маршал Советского Союза Ф.И. Голиков отмечал: «С чувством глубокой благодарности я говорю о курсантских полках военных училищ. Их на Юго-Восточном фронте было шесть: Винницкое, Грозненское, Краснодарское, Житомирское, 1-е и 3-е Орджоникидзевские. Кроме того, мы имели два артиллерийских училища: Винницкое и Ростовское. Все это были прекрасные и сильные по составу полки. Их курсанты и офицеры отличались морально-политической закалкой, смелостью, физической выносливостью. Курсантские полки все время перебрасывались на угрожаемые участки для решительных

контратак. Им порою давались участки обороны на особо опасных направлениях. Они стойко дрались в окружении, а это ведь тоже случалось».[16]

В оборонительный период битвы за Кавказ, как и под Сталинградом, командование Северо-Кавказского фронта широко использовало личный состав военных училищ не только для формирования отдельных курсантских стрелковых бригад (34,164, 165 оксбр), но и как стрелковые подразделения на передовой линии фронта. Так в районе Кавказских минеральных вод в боях против 40-го танкового корпуса вермахта участвовал сводный отряд генерал-майора Тимофеева в составе Ростовского артиллерийского, Новочеркасского кавалерийского, Полтавского автотракторного военных училищ, Горным егерям 49-го горнострелкового корпуса на перевалах Главного Кавказского хребта противостояли курсанты Сухумского, 1-го и 2-го Тбилисского пехотных училищ. На туапсинском направлении в боях участвовали курсанты Урюпинского пехотного и Орловского танкового имени М.В.Фрунзе военных училищ.

В контрнаступлении под Сталинградом в сухопутных войсках участвовали курсанты почти пятидесяти военных училищ различных родов войск, в том числе авиационных: Качинского, Сталинградского и других. По неполным данным, в Сталинградской битве участвовало более 30 тысяч курсантов и 2 тысячи преподавателей более чем 25 училищ. Большинство из них героически погибли. Основной причиной крайне скудных сведений о курсантских полках в оборонительный период Сталинградской битвы является то, что штабов у них не было, поэтому и сколько-нибудь обстоятельной документации не велось. Об их доблести мы можем узнать из рассказов участников тех далеких событий и по сохранившимся реликвиям военных лет, письмам, документам противника. История курсантских полков в Сталинградской битве еще не исследована.

Выводы. Процесс создания новых и расширения старых военных училищ позволил создать к 1941 г. устойчивую систему подготовки молодых кадров для развертывания РККА. Была значительно расширена система военных заведений – академий, училищ, школ, курсов повышения и переподготовки. Это способствовало улучшению качества подготовки командиров, так как теперь большее их количество могло получить военную квалификацию. Кроме подготовки военных кадров в средних и высших военно-учебных заведениях, командиры РККА проходили переподготовку на краткосрочных курсах, где осваивали методы практической работы с личным составом. Курсы усовершенствования командного состава (КУКС) занимались переподготовкой командиров, аттестованных на выдвижение, давали им расширенные знания по специальности и новой технике. Для ликвидации некомплекта военных кадров повсеместно использовались краткосрочные курсы. Они позволяли в сжатые сроки дать войскам необходимое число командиров, политработников, технических специалистов за счёт обучения наиболее подготовленных младших командиров. Развитие и расширение сети военно-учебных заведений было тесно связано с развитием тактики и стратегии РККА. Штабы и академии Красной Армии разрабатывали вопросы военной стратегии и способы применения новых видов оружия, поступавших на вооружение Красной Армии. Эти теории ложились в основу военных уставов и программ учебных заведений. Сокращение сроков обучения и недостаточное внимание вопросам ведения оборонительных действий на тактическом уровне сказалось отрицательно в первом периоде Великой Отечественной войны. Опыт специализированных школ в системе образования – уникален и может быть востребован сегодня, особенно при переходе к контрактной системе комплектования армии.

Приложение №1.

АНКЕТА поступающего в специальную школу Наркомпроса.

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Год, месяц и число рождения, и какой местности уроженец.
3. Национальность, родной язык и какими языками владеете еще.
4. Гражданство (подданство) в настоящее время и раньше.
5. Если член ВЛКСМ, то указать, с какого времени; № билета, и какой организацией выдан.
6. В какой школе обучался, и какой класс окончил.
7. Социальное положение родителей.

8. Основная профессия родителей (отца и матери):
 - а) до Октябрьской революции;
 - б) в настоящее время.
9. Какое имущественное положение родителей:
 - а) до Октябрьской революции;
 - б) после Октябрьской революции (отец и мать);
 - в) состоят ли в колхозе, и с какого времени.
10. Где в настоящее время проживают родители, и чем они занимаются.
11. Лишены ли в настоящее время по суду, или лишались ранее Ваши родители или ближайшие родственники избирательных прав, за что, когда и где. Их фамилии.
12. Принадлежали ли Ваши родители или ближайшие родственники к оппозиции и антипартийным группировкам.
13. Перечислите родственников и знакомых, проживающих вне пределов СССР. Какую Вы или Ваши ближайшие родственники имеете с ними связь.
14. Ваш точный адрес последнего местожительства (область, край, район, город, село или деревня).
 Подпись учащегося _____
 Подпись родителей _____

Примечания:

1. История Второй мировой войны 1939-1945. Т.3. М.: Воениздат, 1974. С. 417.
2. Комал Ф.Б. Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. №2. С. 21, 25-26.
3. Перечень № 30 военно-учебных заведений (учебных центров, училищ, школ и курсов) со сроками вхождения их в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). М., 1958.
4. ruscadet.ru>history/milschool/art/2.htm (дата обращения 2.03.2014).
5. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф.412. Оп.10282. Д.2. Л.7.
6. ЦАМО. Ф.412. Оп.10297. Д.4. Л.18.
7. ЦАМО. Ф.412. Оп.10297. Д.4. Л.22.
8. ЦАМО. Ф. 68 КД. Оп.2688. Д.1. ЛЛ.5-6.
9. ЦАМО. Ф.1802. Оп.1. Д.7. Л.4.
10. ЦАМО. Ф.1796. Оп.1. Д.5. Л.74.
11. ЦАМО. Ф.1802. Оп.1. Д.7. Л.35.
12. ЦАМО. Ф.48-А. Оп.3408. Д.72. Л.23.
13. ЦАМО. Ф.8 гв. А. Оп.5504. Д.19. ЛЛ.77-82.
14. <http://www.molodguard.ru/forum/viewtopic.php?f=38&t=305> (дата обращения – 25.02.2014).
15. <http://forum.vgd.ru/189/7102/10.htm> (дата обращения 20.02.2014).
16. Сталинградская эпопея. М.: Наука, 1968. С. 297.

References:

1. Istoriya Vtoroi mirovoi voiny 1939-1945. T.3. M.: Voenizdat, 1974. S. 417.
2. Komal F.B. Voennye kadry nakanune voiny // Voенno-istoricheskii zhurnal. 1990. №2. S. 21, 25-26.
3. Perechen' № 30 voенno-uchebnykh zavedenii (uchebnykh tsentrov, uchilishch, shkol i kursov) so srokami vkhozhdeniya ikh v sostav deistvuyushchei armii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg.). M., 1958.
4. ruscadet.ru>history/milschool/art/2.htm (data obrashcheniya 2.03.2014).
5. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony (TsAMO). F.412. Op.10282. D.2. L.7.
6. TsAMO. F.412. Op.10297. D.4. L.18.
7. TsAMO. F.412. Op.10297. D.4. L.22.
8. TsAMO. F. 68 KD. Op.2688. D.1. LL.5-6.
9. TsAMO. F.1802. Op.1. D.7. L.4.

10. TsAMO. F.1796. Op.1. D.5. L.74.
11. TsAMO. F.1802. Op.1. D.7. L.35.
12. TsAMO. F.48-A. Op.3408.D.72.L.23.
13. TsAMO. F.8 gv. A. Op.5504. D.19. LL.77-82.
14. <http://www.molodguard.ru/forum/viewtopic.php?f=38&t=305> (data obrashcheniya – 25.02.2014).
15. <http://forum.vgd.ru/189/7102/10.htm> (data obrashcheniya 20.02.2014).
16. Stalingradskaya eropeya. M.: Nauka, 1968. S. 297.

УДК 94 (47)

О подготовке военных специалистов в Северо-Кавказском военном округе накануне и в первый период Великой Отечественной войны (1940–1942 гг.)

Владимир Иванович Афанасенко

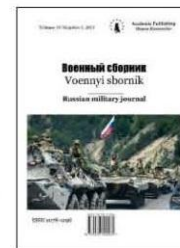
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
Научный сотрудник лаборатории истории и этнографии

Аннотация. Накануне и в первый период Великой Отечественной войны на территории СКВО, как и в других военных округах СССР, проводилась масштабная работа по подготовке кадров военных специалистов всех родов войск и видов вооруженных сил. Была отработана такая уникальная форма подготовки к профессиональной военной службе подростков и молодежи, как специальные артиллерийские, авиационные и морские школы в системе наркомата просвещения СССР и наркомпросов РСФСР, УССР, Груз.ССР, АрмССР. В связи с началом 2-й Мировой войны и формированием значительного числа новых соединений, развертыванием РККА по штатам военного времени многократно возросла потребность в командном составе в звене взвод – батарея – звено – экипаж. Существовавшая в период мирного строительства система подготовки военных кадров претерпела изменения, в первую очередь, по срокам обучения, доле теории и практики в процессе обучения. В кризисной обстановке первого периода войны курсанты вместе с преподавателями нередко использовались, как «пожарные команды» на наиболее опасных направлениях в составе сводных курсантских полков. На южном крыле советско-германского фронта массовое использование курсантов военных училищ в боевых действиях имело место в октябре-ноябре 1941 г. в ходе битвы за Ростов-на-Дону и в июле-августе 1942 г. в большой излучине Дона на начальном этапе Сталинградской битвы и в оборонительный период битвы за Кавказ.

Ключевые слова: Военные школы; военные училища; Северо-Кавказский военный округ; военное обучение; курсанты; Великая Отечественная война.

ISSN: 2309-6322**Founder:** Academic Publishing House *Researcher***DOI:** 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94/47.084.8

“And Then I Heard This Strange Word...”: the Evacuation from the Memoirs of Rostov Oblast Eye Witnesses and Party Documents *

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006

Doctor of History

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article explores the perception of the evacuation held by Rostov Oblast residents and how the evacuation is reflected in the archives located at the Centre for documenting modern history of the Rostov Oblast. It examines the eye witness accounts of the events in 1941-1942. The article investigates the archival sources, including the declassified documents of the transport department at the Rostov regional committee of the All-Union Communist Party with respect to the evacuation measures for the authorities. The article notes the inconsistencies between personal and official sources and analyses their research opportunities.

Keywords: Great Patriotic War; civilian population; evacuation; archival document; memories; railway transport; bombings; Rostov-on-Don; Centre for documenting modern history of the Rostov Oblast.

Введение. Эвакуация населения, промышленных предприятий, запасов продовольствия, сырья и других ценных ресурсов в восточные районы позволила не только сохранить основную экономическую базу и промышленный потенциал страны, но и стала одним из факторов, обеспечивших победу в войне. Ее проведению и сопряженным с нею сложностям посвящены многочисленные работы, в основе которых – источники как официального, так и личного происхождения, а масштаб давно уже измеряется отдельными регионами и населенными пунктами. Новая исследовательская оптика и использование широкого круга исторических свидетельств позволили историкам ответить на очень многие, «неудобные» вопросы относительно срыва эвакуационных мероприятий; трудностей размещения эвакуированного населения; неизбежно связанных с перемещением огромного количества людей и материальных ресурсов потерь [1]. На сегодняшний день в изучении эвакуации, казалось бы, не осталось ни «белых пятен», ни исследовательской интриги. Тем не менее, вопрос о том, из чего («какого сора») складывается ее нынешний образ, на каком уровне дополняют друг друга память очевидцев/ современников событий и сухие сведения официальных документов того времени остается открытым. Рассмотрим на примере воспоминаний очевидцев и источников официального происхождения, какой помнится и документально видится эвакуация населения и предприятий из Ростовской

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

области, и почему она все еще относится «к одним из самых малоизученных вопросов в истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны» [2].

Материалы и методы. 24 сентября 1941 г. «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР создается Совет по эвакуации [3]. А уже 27 июня ЦК ВКП (б) и СНК СССР принимают постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Согласно этому постановлению, первоочередной эвакуации из местностей, находившихся под угрозой вторжения немецких войск, подлежали «важнейшие промышленные ценности (оборудование – важнейшие станки и машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючие, хлеб) и другие ценности, имеющие государственное значение». Квалифицированные рабочие, инженеры и служащие эвакуировались вместе с предприятиями; годная к воинской службе молодежь и ответственные партийные и советские работники упоминались в нем «второй очередью» [4]. В литературе часто встречается мнение, что остальные категории населения (старики, дети, инвалиды) были просто брошены на произвол судьбы и обстоятельств. С ним трудно не согласиться, хотя и согласиться полностью мешают предпринимаемые органами власти меры по эвакуации детских домов, организации дополнительных вагонов по вывозу гражданского населения, вывод «стариков» в районы расположения партизанских отрядов. Однозначной оценке эвакуационных мероприятий препятствуют и особенности ее организации и проведения в разных регионах страны. Ростовская область, дважды подвергнувшаяся оккупации («недельной» в ноябре 1941 г. и восьмимесячной в конце июля 1942 – начале февраля 1943 гг.), прошла и через две волны эвакуации, каждая из которых запомнилась своими особенностями.

Обсуждение и результаты. В воспоминаниях жителей области и ее административного центра первая эвакуация запомнилась вполухом «неожиданной оккупации». Ростовчанка Н.В. Бакулина, работавшая в пединституте и имевшая на руках мать и малолетнего сына, в 1953 г. писала: «К началу ноября 1941 г. немецкая армия уже стояла под Ростовом. Мало кто из граждан успел эвакуироваться. Это удалось, видимо, только представителям городских и областных властей. Они удирали, бросив на произвол врага вверенный им город, вывозя на грузовиках своё имущество. Между отходом наших частей и вступлением в город немцев образовалась пауза в несколько часов. Начались грабежи. Занимались этим не оккупанты, а наши граждане» [5]. О «всем начальстве, покинувшем город» за два-три дня до прихода немцев и обречшим его на разграбление населением говорил и А. Карапетян, отмечая: «Примерно за месяц до вступления немцев в Ростов, во второй половине октября, в городе началась паника. Наверное, это был отголосок паники в Москве. Прошел слух: немцы прорываются к Ростову» [6]. А. Агафонов, будучи «мальчишкой» в те далекие годы, спустя 70 лет вспоминал: «Многие эвакуировались. И весь наш огромный двор был завален скарбом, который нельзя было увезти. Особенно много было книг – классиков марксизма-ленинизма и другой политической литературы. Мы, мальчишки, долго рылись в этих книгах, искали книжки с картинками. Среди этой книжской макулатуры мы нашли письмо. Прочитали его. Оно нас поразило. Письмо было из Москвы. Самое страшное: в нем писалось, что в Москве – паника, идет эвакуация» [7]. Вспоминали ростовчане и о госпитале с ранеными красноармейцами, который перед «приходом немцев наши не успели эвакуировать. Их жители разобрали по квартирам» [8].

Вторая волна эвакуации, пришедшая на летние месяцы 1942 г., оставила в памяти более отчетливые воспоминания. Запомнились долгие сборы «неизвестность», «вокзальная толкучка» и «штурм вагонов»: «Вскоре я услышал странное, непонятное слово эвакуация. Оказывается нам надо было уезжать в какую-то среднюю Азию. Эвакуировались целыми предприятиями. С оборудованием, семьями. Готовился к отъезду и кожзавод, где работал отец. Мать сушила сухари, упаковывала вещи... На вокзале нас встретило удручающее зрелище. Обессиленные люди подтаскивали свои вещи. Городской транспорт тогда уже не работал <...> Было уже темно. Сам вокзал сгорел. Стоял лишь его скелет. Воняло гарью. Посадка шла ночью. Походила она на штурм средневековой крепости. Никаких билетов, никаких проводников. Вот вагон. Вот толпа. Вот груды вещей. Высокие ступеньки и узкие двери. Вся эта орущая возбужденная детским плачем

масса людей была неуправляемой стихией» [9]. Сильно запаздывавшей информацией, стоившей жизни отправлявшимся в эвакуацию: «Мы никогда не знали, что и где происходит. Когда отправляли эвакуированных на юг, в сторону Сальска, никто не знал, что танки немцев уже устремились туда» [10]. Головоотяпством руководства, не позаботившегося о том, чтобы поставить в известность людей, отправляемых в эвакуацию о надлежащей экипировке: «Я уже писала о том, что руководство Ростиздата не сочло нужным известить внештатных сотрудников об его эвакуации, не посчитавшись с тем, что на каждой странице газеты “Прямой наводкой” под карикатурами стояли наши подлинные фамилии. Можно предположить, что именно поэтому Лена взяла с собой в эвакуацию полный комплект газеты – все 24 номера, которые находились в издательстве. А дальше последовало стечение роковых обстоятельств, которое стоило жизни Лене, её родителям и ряду сотрудников, выехавших из Ростова вместе с ними. Их по неизвестным причинам высадили из поезда где-то в степи, на востоке Ростовской области. Оттуда они добрались пешком до станции Будённовской или Пролетарской, где попали к немцам. При обыске у Лены обнаружили комплект газеты “Прямой наводкой”. Все, в том числе и Лена с родителями, были расстреляны» [11]. Спешным выездом из города руководства и начавшейся эвакуацией учреждений: «Исподволь и без огласки началась эвакуация учреждений. Вспомнилось, как мы, трое подружек ещё со студенческих времен, аспирантки университета и пединститута, движимые советским патриотизмом, отправились в Кировский райком ВКП(б), чтобы приобщиться к партизанскому движению в тылу оккупантов и получить соответствующее полномочия и инструкции. Райком встретил нас распахнутыми дверями и окнами, в пустых помещениях гулял ветер. Партийное руководство заблаговременно смотало удочки, и след его давным-давно простыл». И вынужденным, принятым под воздействием силы обстоятельств, решением остаться: «За всеми этими делами я так ничего и не узнала об эвакуации Пединститута. Но до меня дошёл слух, что на станции Ростов-Товарная готовится к отправлению эшелон с сотрудниками университета. Оставив дома маму и сына, я буквально под бомбами, укрываясь в воронках, побежала туда. Надеюсь, что нас тоже возьмут. Но там мне сообщили, что эшелон переполнен и “чужаков” не берут. Мы поговорили с мамой и решили остаться. Уходить пешком было безумием» [12].

С болью отмечалась и позиция властей, или «того, что от них осталось», убеждавших жителей в том, что Ростов-на-Дону сдан не будет. По истечении стольких лет появилось и практическое оправдание такой деятельности власти, которое связывалось с необходимостью остановить паническое бегство населения, могущее затруднить отход воинских подразделений. Однако здесь же отмечалось, что «со временем описанная выше тактика приобрела весьма неприятный привкус иезуитизма: сознательно удерживали граждан от эвакуации, а после войны возложили на них весь груз ответственности за то, что они оставались на оккупированной территории, и организовали подлую кампанию преследования за эту провинность. Ещё один штрих к характеристике той системы, которую настойчиво именовали социалистической и самой [13]. «Да никто не уехал, никто не успевал, кто успел уехать заранее. Кто мог возможность иметь какую-то. Не было той возможности. Это оккупация была, брошенные наши были, почему сейчас люди обижаются» [14]. Вместе с тем, память очевидцев событий того времени хранит и благодарное отношение к власти, позволившей уехать после «ужасов первого нашествия немцев» и принявшей на новом месте: «А я хочу Вам сказать, что наше правительство сдавать Ростов не собиралось, не хотели, ключ к Кавказу. Очень многие уехали до первых немцев, просто началась война, и они уехали. А те, кто не уехали, вот значит нам вот эвакуанты, те которые на Кузнецком мосту в Москве, у нас этих нет. Ну, может там что-то и есть, я не писала туда письмо. У меня есть доказательство того, что я была в Казахстане, у меня комсомольский билет на казахском языке. У меня есть, что когда мы уехали, значит, что я закончила 10 классов. Потом в марте месяце, ранней весной забирала под чистую. И забрали папу в армию в марте месяце. У меня есть его военный билет, когда и с какого адреса его забрали. Все вот в том адресе. Вот, значит, мы поехали и уехали последним поездом» [15]. Во всех этих воспоминаниях память нередко «добирает» недостающее свидетелям знание из будущего, помогая, тем самым, справиться с пониманием ситуации прошлого. Ее абберрация

во многом вызвана происходящим переосмыслением событий военного времени в целом, а также усиленным вниманием профессионального сообщества к возможностям и содержательной составляющей индивидуальной памяти.

Несколько иначе «помнят» эвакуацию архивные источники. Одним из наиболее информативных их видов остаются протоколы бюро партийных комитетов. Содержание и характер, располагаемых ими сведений, как правило, не выходят за пределы рассматриваемых текущих вопросов. При этом запланированная к обсуждению повестка дня не всегда находит отражение в части утвержденных постановлений либо ограничивается предельно краткой формулировкой о «принятии к сведению». 25–27 мая 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП (б), заслушав пересланное из редакции газеты «Правда» письмо рабочего («по-видимому, из Бело-Калитвенского района» [так в тексте, в современном написании – Белокалитвенского – Авт.] о «преступных делах, связанных с эвакуацией, постановило: передать письмо в областную прокуратуру для проведения расследования и предания суду виновных, если сообщение подтвердится» [16]. Двумя месяцами ранее рассматривалось пересланное начальником политотдела Н-ской дивизии письмо не успевшей эвакуироваться дочери красноармейца Сысоева из колхоза «Красный маяк» Хлеборобинского сельсовета Целинского района. Секретарю райкома поручалось выяснить достоверность изложенных в нем фактов и передать их в обком. В ссылке к пункту постановления сообщалось, что «решения приняты 25/III – 42 г.» [17]. Тем не менее, перечень вопросов, выносимых на заседания бюро, рассекречиваемые материалы приложений по ряду обсуждаемых вопросов, передают общую атмосферу времени и реакцию на нее главного областного органа власти.

В повестку дня заседаний бюро Ростовского обкома ВКП (б) вопрос об эвакуации был поставлен 2 сентября 1941 г. К этому времени становится очевидным, что война приобретает затяжной характер, а скорость продвижения противника вглубь советской территории не оставляет надежд на сохранение в полном объеме «людского контингента и ценного имущества». Речь шла о срыве важнейших правительственных мероприятий по обеспечению вагонами эвакуируемых предприятий и грузов. По этому поводу в докладной записке с характерным названием «Анализ состояния оборота вагонов по Ростовскому отделению движения железной дороги им. Ворошилова» отмечалось, что «наметившееся до войны улучшение работы с вагонами сошло на нет... Оборот вагона в военное время ухудшился... Технический простой вагонов только за май месяц при норме 10,2/11,1 составил 15,3/21,5 [в числителе – крытый или открытый подъездной состав, в знаменателе – цистерны – Авт.]. За десять дней июня перепростой составил 14,5/19,1. После начала войны в июле месяце он достиг 16,1/22, а за 10 дней августа – 19,2/15,5» [18]. Причины столь тревожащего положения дел связывались исключительно с человеческим фактором: «Многие железнодорожники сразу после начала войны перестали вести борьбу за быстрейший оборот вагонов, перестали беспокоиться о своевременной и быстрой передаче местного груза, развозе его внутри отделения, подаче вагонов к местной нагрузке и погрузке, уборке вагонов по окончании грузовых операций <...> Идет неприем поездов на Марцево [железнодорожная станция, в настоящее время находящаяся в черте г. Таганрога – Авт.] в связи с прекращением продвижения грузов на дороги Запада и обработкой поездов с эвакогрузами, когда многие вагоны непроизводительно простаивают в ожидании вынесения нового назначения <...> Ситуацию ухудшают и крупнейшие предприятия. Россельмаш передержал в мае свыше нормы 705 вагонов на 1475 час. 30 мин.; за 10 дней июня – 224 вагона на 357 час. 20 мин.; в июле – 593 вагона на 1847 час.; за десять дней августа – 240 вагонов на 691 час. 50 мин.» [19]. Беспечное, а в ряде случаев преступное отношение отдельных руководителей станций и предприятий к вопросу организации выгрузки, по мнению членов бюро, в конечном итоге, и стало основной причиной заторов на пути передвижения эвакуационных грузов. Выходом из создавшейся ситуации виделось усиление партийного руководства состоянием грузооборотов на железных дорогах и поднятие самодисциплины железнодорожников.

На этом же заседании рассматривалось и состояние детских домов, эвакуированных в Ростовскую область. Их инспектирование было инициировано решением оргбюро ЦК ВКП(б) от 22 августа 1941 г. Проверка выявила отсутствие в ряде районов нормальных бытовых условий для проживания эвакуированных детей, необеспеченность их

надлежащим медицинским обслуживанием. В Раздорском районе 38 детей болели корью, 20 – свинкой; в Мечетинском районе – 16 чел. на момент осмотра *«страдали ангиной»*. Располагавшийся здесь детдом находился в бывшем пионерском лагере, единственное здание которого было абсолютно не приспособлено к зимним условиям. Текла крыша, отсутствовали прачечная и столовая. Дети спали *«по два человека на соломенных подушках»*, отсутствовали кровати. В Багаевском районе детский дом размещался в небольшом помещении, где отмечалась *«большая детская скученность»*. За отсутствием кроватей дети спали на полу, практически отсутствовала кухонная и столовая посуда. Такое же положение наблюдалось и в Калмыцком, Раздорском, Неклиновском районах области. Районным партийным организациям, чье безответственное отношение признавалось источником *«ненормального положения эвакуированных детей»*, вменялось в обязанность его скорейшее исправление [20].

И только 24 октября 1941 г. после получения телеграфной депеши за подписью И.В. Сталина бюро приступило к непосредственному рассмотрению вопроса о массовой эвакуации. В ней, в частности отмечались необходимость *«1) образовать комитет по эвакуации вглубь страны из работников прифронтовой полосы продовольственных запасов, запасов мануфактуры, текстильного оборудования и сырья, кожевенного оборудования и сырья, оборудования холодильников, оборудования обувных, швейных, табачных фабрик и мыловаренных заводов, табачного сырья и махорки, мыла и соды в составе Микоян (председатель), Косыгин, Каганович, Смирнов, Зотов, Шатов; 2) обязать комитет проводить эвакуацию всеми средствами: железными дорогами, водным транспортом, автомобилями, подводами; 3) предоставить 26 октября план эвакуации грузов, перечисленных в п. 1»* [21]. 12 декабря 1941 в соответствии с указаниями Военного совета Южного фронта было принято решение об эвакуации скота, тракторов, комбайновых моторов, сельскохозяйственного инвентаря и *«прочего ценного имущества и оборудования из колхозов, совхозов, МТС и других организаций через Сталинградскую область в Казахскую ССР»*. При этом разрешалось оставить необходимое количество рабочего тягла (волов, лошадей) и тракторов для производства текущих работ [22]. На протяжении августа – декабря 1941 г. областное бюро неоднократно возвращалось к рассмотрению вопроса об эвакуации скота, отмечая связанные с нею нарушения: отсутствие оборудованных стойл по пути перегона скота; надлежащего количества кормов и погонщиков; *«несознательное»* поведение жителей Сталинградской области, отбивающих эвакуированных волов и лошадей для собственных нужд; большой процент падежа скота [23].

В разгар боевых действий на южном фронте бюро обкома совместно со штабом 56-й армии рассматривало предложения последнего о выселении гражданского населения из прифронтовой полосы, фактически осуществляя внутреннюю эвакуацию. 16 декабря 1941 г. принимается постановление *«О выселении гражданского населения из районов действия войск армии»*. 2 января 1942 г. выносится решение о выселении к 10 января 1942 г. гражданского населения из сел Совет и Кирпичево-Александровское Больше-крепинского района и размещении его в других населенных пунктах Родионово-Несветайского и Белокалитвенского районов [24].

6 апреля 1942 г. бюро заслушало сообщение областной прокуратуры о *«непорядках при эвакуации в Чернышевском районе»*. Готовя хозяйства к эвакуации, руководители ряда районных МТС получили на основании распоряжений секретаря Чернышевского райкома в колхозах продукты питания (пшеницу, просо, мясо) и *«длительное время с колхозами за эти продукты не рассчитывались»*. В свою очередь, секретарь райкома, дав распоряжение об обеспечении продуктами питания работников МТС на время нахождения их в пути, *«не проконтролировал за тем, чтобы взятые продукты пошли по прямому назначению и своевременно за них были выплачены колхозам деньги»*. По результатам проведенной проверки секретарю райкома ВКП(б) был объявлен строгий выговор с предупреждением *«за бесплатное получение, а по существу растаскивание скота и зерна из колхозов»*. Особое внимание обращалось на увеличившееся за время начала войны количество *«неправильно принимаемых решений»*: вопросы рассматривались не на заседаниях партийной организации, *«а путем дачи записок от райкома за подписью его секретаря»* [25].

Еще одним зримым «следом» эвакуации, нашедшим отражение в партийных документах, стала чистка рядов областной организации ВКП(б). Начавшаяся после первого

освобождения области свержка партийных билетов повлекла за собою и выяснение конкретных обстоятельств, не позволивших коммунистам области «вовремя» эвакуироваться. И.А. Марфин, член ВКП(б) с 1931 г., работавший в 1941 г. агентом склада НКВД, в феврале 1942 г. был исключен из партии по причине проявленной политической неустойчивости: «Марфин эвакуироваться не хотел, не эвакуировал и свою семью, остался в Ростове, оккупированном немцами. Партбилет уничтожил» [26]. Участковый зоотехник Большекрепинского района В.Н. Калмыков, также уничтоживший партбилет, был исключен «за пособничество немецким оккупантам». Оставшись в станице, оккупированной немцами, по причине «нежелания эвакуироваться», возил корм «для лошадей немецких войск, выполнял все поручения старосты, купил икону и повесил ее в своей квартире. На квартире проживали немцы» [27]. М.С. Болтовская, работавшая сторожем в театре им. Горького, в октябре 1941 г. получила эвакуалист и, «имея полную возможность эвакуироваться, осталась в Ростове, оккупированном немцами. Партбилет уничтожила, причем уже второй раз» [28]. Мать двоих взрослых дочерей, ручница-швейница 2-й швейной фабрики, «во время оккупации немцами Ростова осталась, и эвакуироваться не хотела, мотивируя отсутствием средств. Рыжкова также не эвакуировала свою семью. Оставшись в Ростове, уничтожила свой партбилет и 2 комсомольских билета своих дочерей» [29]. После окончательного освобождения области в феврале 1943 г. обкомом были составлены «списки комсомольцев и коммунистов, оставшихся на временно оккупированной фашистскими войсками территории Ростовской области» [30].

Выводы. На сегодняшний день в понимание механизмов осуществлявшихся эвакуационных мероприятий и оценки степени их эффективности включаются не только традиционные представления, длительное время основывавшиеся на архивном комплексе документов, но и индивидуальная память очевидцев того времени. Под их воздействием эвакуация из плоскости мероприятия государственной важности перемещается в область человеческих судеб. При этом и официальные документы, и воспоминания тех, кто непосредственно пережил эвакуацию, грешат *принципиальной* неполнотой, связанной как с особенностями памяти, помещающей человека в «*пучину конкретных обстоятельств*», так и партийных документов, отражающих чрезвычайные нужды страны в целом. На этом пересечении и выстраиваются нынешние историографические образы эвакуации, ставшей поворотным событием не только в жизни страны, но и судьбах конкретных людей.

Примечания:

1. Потёмкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003; Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 6; Яшин С.В. Эвакуационные перевозки в годы Великой Отечественной войны URL: <http://www.zdt-magazine.ru/publik/history/2008/june-08.htm> (дата обращения: 23.02.2014); Проект А. Бергмана «Детство, опаленное огнем Катастрофы: Эвакуация». URL: <http://www.lost-childhood.com/o-proekte/neskolko-slov-o-nashem-proekte.html> (дата: 2.03.2014).

2. Линец С.И. Указ. соч. С. 51.

3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 13.

4. Линец С.И. Указ. соч. С. 53.

5. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933–1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 21.01.2014).

6. А. Карапетян // Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д., 2006. С. 54.

7. А. Агафонов // Там же. С. 46.

8. А. Котлярова // Там же. С. 62.

9. Е. Комиссаров // Там же. С. 107.

10. М. Вдовин // Там же. С. 127.

11. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933–1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 21.01.2014).
12. Там же.
13. Там же.
14. Респондент: Моисеев Евгений Васильевич, 1927 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 201 мин. Запись 23 января 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
15. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 мин. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф.Р.–9. О. 1. Д. 350. Л. 204.
17. Там же. Д. 336. Л. 83.
18. Там же. Д. 314. Л. 6.
19. Там же. Л. 28.
20. Там же. Л. 31.
21. Там же. Л. 35.
22. Там же. Л. 45.
23. Там же. Л. 48–50.
24. Там же. Д. 324. Л. 12.
25. Там же. Л. 56.
26. Там же. Д. 327. Л. 181.
27. Там же. Л. 183–184.
28. Там же. Л. 181.
29. Там же. Л. 182.
30. Там же. Ф.Р. – 3. Оп. 2. Д. 33.

References:

1. Potjomkina M.N. Jevakuacija i nacional'nye otnoshenija v sovetskom tylu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Urala) // Oteche-stvennaja istorija. 2002. № 3; Linec S.I. Severnyj Kavkaz nakanune i v pe-riod nemecko-fashistskoj okkupacii: sostojanie i osobennosti razvitija (ijul' 1942 – oktjabr' 1943 gg.). Rostov n/D., 2003; Kumanev G.A. Vojna i jeva-kuacija v SSSR. 1941 – 1942 gg. // Novaja i novejšhaja istorija. 2006. № 6; Jashin S.V. Jevakuacionnye perevozki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny URL: <http://www.zdt-magazine.ru/publik/history/2008/june-08.htm> (data obra-shhenija: 23.02.2014); Proekt A. Bergmana «Detstvo, opalennoe ognem Katast-rofy: Jevakuacija». URL: <http://www.lost-childhood.com/o-proekte/neskolko-slov-o-nashem-proekte.html> (data: 2.03.2014).
2. Linec S.I. Ukaz. soch. S. 51.
3. KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i Plenumov CK. M., 1971. T. 6. S. 13.
4. Linec S.I. Ukaz. soch. S. 53.
5. Bakulina N.V. Pasmurnye dni (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (data obrashhenija: 21.01.2014).
6. A. Karapetjan // Smirnov V.V. Rostov pod ten'ju svastiki. Rostov n/D., 2006. S. 54.
7. A. Agafonov // Tam zhe. S. 46.
8. A. Kotljarova // Tam zhe. S. 62.
9. E. Komissarov // Tam zhe. S. 107.
10. M. Vdovin // Tam zhe. S. 127.
11. Bakulina N.V. Pasmurnye dni (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (data obrashhenija: 21.01.2014).
12. Tam zhe.
13. Tam zhe.

14. Respondent: Moiseev Evgenij Vasil'evich, 1927 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondententa. Prodolzhitel'nost' 201 min. Zapis' 23 janvarja 2014 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

15. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r. Interv'juery: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 80 min. Zapis' 16 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

16. Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti. F.R.–9. O. 1. D. 350. L. 204.

17. Tam zhe. D. 336. L. 83.

18. Tam zhe. D. 314. L. 6.

19. Tam zhe. L. 28.

20. Tam zhe. L. 31.

21. Tam zhe. L. 35.

22. Tam zhe. L. 45.

23. Tam zhe. L. 48 – 50.

24. Tam zhe. D. 324. L. 12.

25. Tam zhe. L. 56.

26. Tam zhe. D. 327. L. 181.

27. Tam zhe. L. 183 – 184.

28. Tam zhe. L. 181.

29. Tam zhe. L. 182.

30. F.R. – 3. Op. 2. D. 33.

UDC 94/47.084.8

«А потом я услышал это странное слово...»: эвакуация в воспоминаниях очевидцев и партийных документах Ростовской области

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия

344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

Доктор исторических наук

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена восприятию эвакуации населением Ростовской области и ее отражению в архивном фонде Центра документации новейшей истории Ростовской области. В ней рассматриваются особенности воспоминаний очевидцев о событиях 1941–1942 гг. Раскрываются возможности архивных источников, в том числе и рассекреченных документов транспортного отдела Ростовского обкома ВКП(б) об эвакуационных мероприятиях органов власти. Отмечается содержательное несовпадение источников личного и официального происхождения, анализируются их исследовательские возможности.

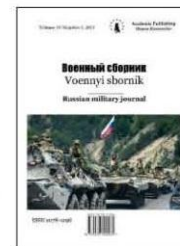
Ключевые слова: Великая Отечественная война; гражданское население; эвакуация; архивный документ; воспоминания; железнодорожный транспорт; бомбежки; Ростов-на-Дону; Центр документации новейшей истории Ростовской области.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 93/94

Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942*

Evgeny F. Krinko

Institute of Social-economic and Humanities Researches
of Southern Scientific Center of Russian Academy of Science, Russian Federation
Rostov-on-Don, 344006, Chekhov's Avenue, 41
Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract. In the middle of October in 1941, the Soviet leadership made a decision to create a system of defensive structures on the Don that were meant to halt the advance of the Wehrmacht to the south. Towards the end of autumn and in the winter of 1941-1942, tens of thousands of deminers and mobilised citizens from the region erected the Don and the Stalingrad defensive lines as well as the Rostov defensive district. However, during the spring flooding of 1942, the Don flooded a significant part of the unfinished Red Army fortifications. In July of 1942, many of the defensive structures were not restored while some still remained flooded. As a result, Soviet troops had to retaliate against the enemy's oncoming tank and mechanised divisions in unfinished defensive lines without even having enough simple field fortifications. The efforts of tens of thousands of citizens and military construction workers ended up mostly in vain, while the enemy was able to quickly break through the Soviet defences and head for the Caucasus.

Keywords: Don; spring flooding; Red Army; Wehrmacht; defence lines; Rostov Oblast.

Введение. Взаимосвязь природных и социальных процессов давно и плодотворно обсуждается в отечественной и зарубежной науке [1–5]. Не раз дискутировался в историографии и вопрос о влиянии природных условий на итоги различных войн, которые вела Россия, особенно часто – роль морозов в событиях 1812 г. и 1941 г. Однако значение природного фактора не сводится к изменениям температурного режима и погодных условий. На ход боевых действий могут оказывать воздействие особенности рельефа, гидрологического режима рек и подземных вод, объем осадков, характер растительного покрова и многие другие природные процессы и явления, на которые не всегда обращают внимание историки. В частности, практически не нашло своего отражения в историографии негативное влияние весеннего половодья на реке Дон в 1942 г. на систему советской обороны на юге страны.

Следует отметить, что Дон имеет типичный для равнинных рек плавный продольный профиль, уклон реки в среднем составляет 0,1 %. На Нижнем Дону средний уклон равен 2 см/км, наибольшие значения приходятся на участок между станицами Раздорской и Мелиховской (4,6 см/км), наименьшие – между городами Ростовом-на-Дону и Азовом

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942– 1943 гг.)»

(0,6 см/км). Почти на всем протяжении реки существует разработанная долина с широкой поймой, за исключением участка в районе города Калача. Долина Дона здесь сужается отрогами Среднерусской и Приволжской возвышенностей, а пойма отсутствует. Ширина русла Дона в среднем течении составляет от 70 до 120 м, глубина – от 2,5 до 6 м. В нижнем течении ширина русла составляет от 150 до 550 м, поймы – 12–15 км, глубины достигают до 15–20 м. Ниже Ростова-на-Дону начинается дельта общей площадью в 340 кв. км. Русло реки разделяется на многочисленные рукава и протоки (гирла и ерики).

Расположение бассейна Дона в лесостепной и степной зонах предопределяет особенности его водного режима: относительно малую водность при большой площади водосбора. Средний годовой расход воды составляет 900 куб. м/с, модуль стока – около 2 л/с на кв. км. Доля снегового питания доходит до 70 % при сравнительно слабом грунтовом и дождевом питании. Для большей части года характерна низкая межень, но весной при таянии снега наступает высокое половодье, Дон разливается по всей пойме, особенно широко в нижнем течении. Столица донского казачества – город Черкасск (в настоящее время – станица Старочеркасская) вплоть до середины XX в. почти ежегодно затоплялся на 2–3 месяца, при этом уровень половодья доходил до 5 м. Именно с разливами Дона было во многом связано основание Новочеркасска как новой столицы Области Войска Донского. После создания плотины Цимлянской ГЭС со второй половины XX в. разливы стали реже. Тем не менее, они периодически повторяются и остаются одним из главных стихийных бедствий, приносящих немалый ущерб региону, особенно при одновременном таянии снега на всей площади донского бассейна. Например, в 2003 г. разливы вызвали подтопления в двенадцати районах Ростовской области, в девяти из них пришлось срочно отселить людей [6]. В 2013 г. был подтоплен 21 населенный пункт, пострадало 1741 домовладение и 10 социально значимых объектов, общий ущерб составил 405 млн руб. [7]. Еще более значимые последствия весеннее половодье на Дону имело в период Великой Отечественной войны, прямо повлияв на ход боевых действий в рассматриваемом регионе.

Материалы и методы. В основе статьи лежит анализ неопубликованных документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) и Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). В первую очередь, это приказы командования Южного фронта и постановления бюро Ростовского обкома ВКП(б) и облисполкома, направленные на предотвращение негативных последствий весеннего паводка и ликвидацию его последствий. Исследование опирается на принципы историзма, системный и историко-географический подходы.

Обсуждение. Предвидя возможность крупного наступления вермахта на южном направлении в первый период Великой Отечественной войны, советское руководство приняло решение о заблаговременном создании здесь системы оборонительных сооружений. Еще 13 октября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР постановил создать Сталинградский и Донской оборонительные рубежи силами 5, 8, 9-й и 10-й саперных армий. Для строительства Донского рубежа от села Кагальник до станицы Верхнекурмоярской протяженностью в 450 км предполагалось мобилизовать 300 тыс. чел. в Ростовской и Сталинградской областях, Краснодарском и Орджоникидзевском (с 1943 г. – Ставропольском) краях, Чечено-Ингушской АССР.

Однако это решение оказалось не выполнено. В связи с приближением противника на Дону началась эвакуация, вызвавшая панику не только среди населения, но и части руководителей региона. Так, секретарь Ростовского обкома партии Б. Ромой вместо организации работ по обороне города сбежал и был исключен из партии с формулировкой «за малодушие и трусость». В информационной записке в ЦК ВКП(б) сообщалось, что, «поддавшись паническому настроению командования 56-й армии, бюро Ростовского обкома эвакуировалось на левый берег Дона, оставив, по существу, без власти Ростов» [8]. При этом хуже всего оказалась подготовлена к обороне сам Ростов-на-Дону. 17 ноября 1941 г. городской комитет обороны объявил мобилизацию населения на оборонительное строительство [9, л. 207]. Это запоздалое решение не было подкреплено другими мерами, и к 21 ноября – дню первой оккупации противником Ростова-на-Дону – было построено лишь 21 огневое сооружение. Серьезные работы по укреплению города начали проводиться только после 29 ноября – освобождения Ростова [10, с. 121–124].

Система ростовских обводов состояла из четырех концентрических рубежей «А», «Б», «В» и «Г», на строительство которых было мобилизовано 43 тыс. ростовчан и жителей окрестных сел – рабочих, колхозников, служащих, студентов, старшеклассников, домохозяек. Копать рвы и окопы приходилось в своей одежде и обуви, выдавали только строительный инструмент. По словам уроженки слободы Красюковской Новочеркасского района Ростовской области М.М. Артюшенко (Шевченко): «Руководили нами учителя. Вывезли прямо с матрацами, подушками и одеялами. Отвезли в какое-то село, распределили всех по хаткам. С утра до ночи копали траншеи и противотанковый ров. Очень трудно копать, земля каменистая, так что постоянно натыкались на камни, которые приходилось разбивать киркой. Копали тихо и спокойно, безо всякого шума и веселья, как после показывали в фильмах. Еду привозили уже после обеда, к вечеру. Кормили очень плохо. Давали соус морковный, который мне страшно надоел. На всю жизнь морковка запомнилась» [11].

8 декабря для мобилизации сил и средств города, координации деятельности военных и гражданских организаций было создано управление ростовских обводов, наладившее выпуск сборных конструкций долговременных огневых сооружений. В течение зимы 1941–1942 гг. восемнадцать ростовских заводов произвели 584 комплекта дотов, а также бронекопалок и других сооружений. Из Шахт, Сальска, Новочеркаска, Краснодара, Майкопа, Грозного, Златоуста поступили еще 700 комплектов огневых точек. К январю 1942 г. в основном было завершено строительство второй полосы рубежа «А» – внутреннего обвода города общей протяженностью свыше 90 км. Однако степень готовности остальных обводов не превышала 10 % из-за нехватки строителей и низкого материально-технического обеспечения работ.

Строительство оборонительных сооружений по левому берегу Дона осуществляли 10 тыс. саперов и 53 тыс. мобилизованных жителей. Работа была тяжелой, а кормили плохо: «Отощали казаки. Обносились, оборвались, спали вповалку, пока не было холодно, там, где работали. Не мылись, негде было. Завшивели. Но не роптали». Колхозы стремились снабдить односельчан одеждой, обувью и рабочими перчатками [12]. План мобилизации по Ростовской области. Краснодарскому и Орджоникидзевскому краям был выполнен лишь на 20 %, людей не хватало. Постановлением бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) и Совета народных комиссаров Калмыцкой АССР от 31 октября 1941 г. на оборонительные работы сроком на 40 дней было мобилизовано 20 тыс. жителей или почти 11 % населения республики [8]. К концу февраля 1942 г. в связи с изменением ситуации на фронте оборонительные работы на большинстве участков на юге страны были прекращены.

В 1941 г. сток Дона и его притоков в 1,5–1,6 раз отличался от среднего значения [13, с. 118]. Весна 1942 г. выдалась поздней, холодной и затяжной. Традиционно река вскрывалась в последней декаде марта – первой декаде апреля, начиная с низовьев: на участке между Ростовом-на-Дону и станицей Камышевской Цимлянского района – 20–25 марта, между Камышевской и Калачом – 3–8 апреля, между Калачом и Нижним Брусланом – 8–10 апреля. Во время половодья Дон даже в самом узком месте в районе Калача превращался в мощный поток в 700 м шириной – в десять раз больше обычного – и достигал железнодорожного полотна. В районе хутора Рычков Сталинградской области (в настоящее время – территория Цимлянского водохранилища) ширина реки в половодье достигала уже 780 м, а при ее выходе в пойму – 14 км. В станице Нижне-Чирской разлив Дона составлял 8 км, в Нагаевской – 3 км, в Цимлянской – 6,5 км, в Константиновской – 4,6 км, в Раздорской – 7 км, в Багаевской – 18 км, в Аксае – 10 км, в Ростове-на-Дону – 8 км. Средняя глубина на разных участках поймы колебалась от 5 до 25 м, она возвышалась над меженным горизонтом в среднем на 4 м. Существенные проблемы создавали и разливы других рек донского бассейна. Например, Тузлов затоплял всю пойму в районе Новочеркаска и угрожал фронтовым складам. Лугань – заводы, жилые дома, трамвайную линию и вокзал Ворошиловграда (в настоящее время – Луганска), Казенный Торез – часть города Славянска, в том числе завод «Донсода» [14, л. 81–83].

Советское командование стремилось предотвратить негативные последствия весеннего паводка. Еще 23 февраля 1942 г. был издан приказ войскам Южного фронта № 0051/оп с целью устранения «влияния гидрометеорологических условий наступающей весны на организацию, материальное обеспечение, ведение и ход боевых действий». В его преамбуле

отмечалось: «В ближайшее время войска Южного фронта будут вести боевые действия в условиях весны с ее распутицей и бездорожьем». Поэтому командующий фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский приказал предусмотреть, «что весенняя распутица, разлив рек, бездорожье – иногда будут допускать развертывание боевых действий только на отдельных направлениях и участках». Это требовало соответствующего перераспределения сил «и особенно умения пользоваться переправочными средствами, в первую очередь, подручными» [14, л. 68]. С 26 февраля по 10 марта намечалось проведение мероприятий, призванных обеспечить подготовку и бесперебойную работу не менее двух дорог на армию в армейском тылу и одной дороги в дивизионном тылу. Для этого следовало:

- «1) произвести восстановление и ремонт мостов (в первую очередь через крупные реки;
- 2) закончить устройство новых и ремонт существующих ледорезов у мостов, где это вызывается необходимостью;
- 3) произвести сколку льда у опор мостов, подмостовых русел продольными, поперечными бороздами и обеспечить разработку ледяных полей – для беспрепятственного пропуска ледохода;
- 4) расчистить отверстия труб и мостов от снега и наносов»;
- 5) в пунктах, где мосты не удавалось восстановить, подготовить необходимое оборудование и материалы для устройства паромных переправ или наплавных мостов (баржи, плоты, бочки и др.);
- 6) выделить комендантов переправ из лиц среднего начальствующего состава и закрепить за ними определенные переправы;
- 7) «заготовить и подвезти на трассу к пучинистым и заболоченным участкам дорог на спуски, подъемы и мосты дежурный стройматериал (хворост, лапник, доски, жерди, накатник, готовые фашины, песок, щебень, шлак);
- 8) «обеспечить водоотвод с полотна дороги и объезды тяжело проезжих мест;
- 9) для гужевого транспорта и тракторов сделать параллельные дороги и не допускать движения их по дорогам следования автотранспорта;
- 10) установить по дорогам у населенных пунктов, на развилках и перекрестках четкие указательные и предупредительные знаки;
- 11) по профилированным дорогам движение для автотранспорта открывать только после их просыхания и восстановления», а до этого обеспечить временный объезд;
- 12) «на всех грунтовых дорогах ликвидировать колеи, ухабы, на мощеных участках произвести заделку ям и очистку обочин от зимних наносов»;
- 13) на крутых спусках и высоких насыпях установить деревянные тумбы белого цвета;
- 14) на узких участках обеспечить параллельно дороге через каждые 100 м площадки для разъезда машин с соответствующими въездами и выездами;
- 15) «на время весенней распутицы установить на всех фронтовых, армейских и дивизионных дорогах усиленную службу эксплуатации» [14, л. 68–69].

Приказ также требовал подготовить переправы к их использованию в условиях ледоходов и разлива рек, обеспечить охрану высоководных и разборку низководных мостов для пропуска весеннего ледохода и паводка (см таблицу 1). Для этого инженерному управлению и автотранспортному отделу фронта ставились задачи выделения подрывных команд и их обеспечение взрывчатыми веществами. Непосредственно в период весеннего паводка следовало навести паромные переправы через Северский Донец и Дон (см. таблицу 2).

Таблица 1.

План охраны и разборки основных сооружений для пропуска весеннего ледохода и наводнения в пределах Южного фронта в 1942 г. [14, л. 75–78]

№	Сооружения	Местонахождение	Реки	Область
1	2	3	4	7
57-я армия				
1	Деревянный мост (низководный)	Капиталовка	Северский Донец	Сталинская
2	Деревянный мост (низководный)	Студенок	Северский Донец	Сталинская

3	Деревянный мост	Сватово	Красная	Ворошиловградская
9-я армия				
4	Деревянный мост (низководный)	Богородничное	Северский Донец	Сталинская
5	Деревянный мост (высоководный)	Банное	Северский Донец	Сталинская
6	Деревянный мост (низководный)	Шурово	Северский Донец	Сталинская
7	Деревянный мост	Кабанье	Красная	Ворошиловградская
8	Деревянный мост	Старобельск	Айдар	Ворошиловградская
37-я армия				
9	Деревянный мост (низководный)	Закатное	Северский Донец	Сталинская
10	Деревянный мост (низководный)	Драновка	Северский Донец	Сталинская
11	Деревянный мост (низководный)	Серебрянка	Северский Донец	Ворошиловградская
12	Деревянный мост (низководный)	Григорьевка	Северский Донец	Ворошиловградская
13	Деревянный мост (высоководный)	Рубежная	Северский Донец	Ворошиловградская
14	Деревянный мост (высоководный)	Лисичанск	Северский Донец	Ворошиловградская
15	Деревянный мост	С. Михайловка	Боровая	Ворошиловградская
16	Железобетонный мост	Сентяновка	Лугань	Ворошиловградская
Армейская группа Комкова				
17	Деревянный мост (низководный)	Верхнее	Северский Донец	Ворошиловградская
18	Деревянный мост (низководный)	Нижнее	Северский Донец	Ворошиловградская
19	Деревянный мост (низководный)	Крымская	Северский Донец	Ворошиловградская
12-я армия				
20	Деревянный мост (низководный)	Трехизбенка- Лопаткино	Северский Донец	Ворошиловградская
21	Деревянный мост (низководный)	Веселогорск	Северский Донец	Ворошиловградская
22	Тоже плотовой	Веселогорск	Северский Донец	Ворошиловградская
23	Деревянный мост (низководный)	Станично- Луганская	Северский Донец	Ворошиловградская
24	Деревянный мост (низководный)	Николаевка	Северский Донец	Ворошиловградская
25	Деревянный мост (низководный)	Давыдово- Никольская	Северский Донец	Ворошиловградская
26	Деревянный мост (низководный)	Б. Суходол	Северский Донец	Ворошиловградская
27	Деревянный мост	Александровка	Лугань	Ворошиловградская
28	Мост смешанной конструкции	Ребриково		Ворошиловградская
29	Мост смешанной конструкции	Лозовая-Павловка	Лозовая	Ворошиловградская
30	Мост смешанной конструкции	Первомайск	Лугань	Ворошиловградская

31	Мост смешанной конструкции	Черкасское	Лугань	Ворошиловградская
32	Мост смешанной конструкции	Хорошее	Лугань	Ворошиловградская
33	Деревянный мост	Голубовка	Луганчик	Ворошиловградская
34	Мост смешанной конструкции	Калиново	Луганка	Ворошиловградская
18-я армия				
35	Деревянный мост (низководный)	Михайловка	Северский Донец	Ростовская
36	Деревянный плотовый мост	Каменск	Северский Донец	Ростовская
37	Мост смешанной конструкции	Каменск	Северский Донец	Ростовская
38	Деревянный мост (низководный)	Белокалитвинская	Северский Донец	Ростовская
39	Деревянный мост (низководный)	Красно-Донецкая	Северский Донец	Ростовская
40	Деревянный мост	Усть-Быстрый	Северский Донец	Ростовская
41	Деревянный мост	Усть-Быстрианская	Северский Донец	Ростовская
42	Деревянный мост	Авиловский	Северский Донец	Ростовская
56-я армия				
43	Деревянный плотовый мост	Броницкий	Северский Донец	Ростовская
44	Деревянный мост на бочках	Броницкий	Северский Донец	Ростовская
45	Мост на плотах	Багаевская	Дон	Ростовская
46	Мост на плотах	Старочеркасская	Дон	Ростовская
47	Мост на плашкоут	Аксайская	Дон	Ростовская
48	Мост на плашкоут	Ростов	Дон	Ростовская
49	Плотовый мост	Константиновская	Дон	Ростовская
50	Деревянный наплавной мост	Ведерниковский	Дон	Ростовская
51	Деревянный наплавной мост	Цимлянская	Дон	Ростовская

Таблица 2.

План наведения паромных переправ через реки Северный Донец и Дон [14, л. 79]

№	Место	Грузоподъемность (т)	Время сосредоточения переправочного имущества	Кем наводятся
1	Студенок	60	15 марта	37-й омшмб
2	Богородничное	16		
3	Шурово	16		

4	Закотное	9	15 марта	38-й инжп
5	Серебрянка	9		
6	Нижнее	5	15 марта	сапб 12-й армии
7	Лопаскино	5		
8	Веселая гора	5		
9	Давыдово-Никольское	9	15 марта	22-й омпмб
10	Большой Суходол	9		
11	Гундоровская	9		
12	Краснодонская	5	12 марта	273-й омстб
13	Усть-Быстрианская	5		
14	Броницкий	5		
15	Аксацкий	16	10 марта	35-й омпмб

Используемые в таблице сокращения воинских частей: омпмб – отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон; омстб – отдельный мостостроительный батальон; сапб – саперный батальон; инжп – инженерный полк.

5-му управлению военно-дорожных работ тыла Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР ставилась задача обеспечить на время половодья паромную переправу у г. Калач к 25 марта, с устройством эстакадных подходов на заливаемой пойме, и одновременно форсировать строительство постоянного моста со сроком его сдачи в эксплуатацию к 15 июня 1942 г. Все оборонительные рубежи и сооружения требовалось подготовить к предстоящему паводку, предусмотрев «вывод войск и создание новых оборонительных сооружений на незатопляемых местах» [14, л. 69]. Приказ также ставил задачи по ремонту автотранспортного парка, выдаче войскам летнего обмундирования и проведению других мероприятий. Наконец, говорилось о необходимости обеспечения войск «гидрометеогеографическими описаниями участков, с данными температурного режима, начала таяния снега и схода снежного покрова, об осадках, режиме рек, характере почв и ее состоянии на весенний период состояние дорог» [14, л. 70–71]. Но реализация намеченных работ существенно затруднялась отсутствием необходимых ресурсов (например, древесины, особенно в степных районах) и другими обстоятельствами.

Местное руководство также готовилось к предстоящему весеннему половодью. 2 марта 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП(б) и областной совет депутатов трудящихся на совместном заседании заслушали вопрос «О мероприятиях по обеспечению боеготовности оборонительных сооружений на период весеннего паводка 1942 г.» и приняли соответствующее постановление. Секретари райкомов ВКП(б) и председатели райисполкомов обязывались подготовить все оборонительные сооружения, попадавшие в зону затопления, для защиты их от попадания воды, при этом все внутреннее оборудование (столы, нары, стеллажи, внутренние двери и пр.) следовало снять и уложить в безопасное место. Все амбразуры и входы в деревоземляные и железобетонные сооружения следовало закрыть щитами из досок и законопатить для предохранения от затягивания илом. Для сооружений, располагавшихся на склоне, предполагалось сделать водоотводные нагорные каналы с целью отвода внешних вод. Ставилась задача организовать наблюдение в районах возможного затора льдов. По окончании паводка все находившиеся в зоне затопления оборонительные сооружения требовалось восстановить, амбразуры, сооружения, окопы и пулеметные гнезда открыть, очистить от воды и ила и вновь замаскировать, все внутреннее оборудование восстановить, подправить, а в местах полного разрушения восстановить противотанковые и противопехотные препятствия, отремонтировать мосты и дороги. Для выполнения указанных работ привлекалось в порядке трудовой повинности население и транспорт районов Ростовской области [15, л. 86–87].

Однако принятых мер оказалось недостаточно. Традиционно половодье на Дону происходит двумя волнами. Первая возникает вследствие поступления в русло талых вод из нижней части бассейна (холодной или казачьей воды), вторая образуется водами, поступающими с Верхнего Дона (теплая вода) [16, с. 9]. Иногда, при запаздывании снеготаяния в нижней части бассейна, обе волны сливаются и половодье становится более высоким, но менее продолжительным. За период Великой Отечественной войны полные

данные гидрологических наблюдений отсутствуют, но воспоминания очевидцев и другие документы свидетельствуют, что весеннее половодье было исключительно бурным и имело катастрофические последствия для советской обороны. Так, бывший боец Ростовского стрелкового полка народного ополчения В.П. Ананьев вспоминал: «В мае месяце начался разлив Дона. Дон не разливается с 1953 г., когда построили Цимлянскую плотину, а до этого, как разлив – от Ростова до Батайска стояло море, как правило. Потом вода уходила, в июне. Мы, мальчишки, шли туда, а в ямах оставалась рыба, и мы ее собирали». Вода залила единственную тогда дорогу между Ростовом-на-Дону и Батайском, имевшую важнейшее значение для снабжения частей 56-й армии и Южного фронта в целом. На ликвидацию последствий наводнения были брошены военные части, в том числе Ростовский стрелковый полк народного ополчения, к этому времени уже зачисленный в кадровый состав РККА: «В одном месте вода была выше дороги. И вот в этой холодной воде мешки с песком стенами клали, а потом воду откачивали. Единственная дорога была. Ну, справились тогда хорошо» [17].

Еще 3 апреля 1942 г. командующий Сталинградским военным округом генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко выразил свою обеспокоенность в докладе Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину состоянием оборонительных рубежей после весенних паводков. Он дал ему неудовлетворительную оценку и попросил выделить для восстановления и дальнейшего развития дополнительные силы и средства [8]. С конца весны были продолжены оборонительные работы по возведению Ростовского оборонительного района и Донского рубежа, с привлечением к ним мобилизованных граждан. Объем земляных работ, прежде всего, по рытью противотанковых рвов и стрелковых окопов составил 10 млн куб. м. На городских предприятиях было изготовлено более 7 тыс. железобетонных и металлических колпаков, 12 тыс. сборных железобетонных огневых точек, 14 тыс. металлических ежей, 700 тыс. м колючей проволоки [18, л. 12–13]. Однако полностью завершить работы по подготовке оборонительных позиций для Красной армии на Нижнем Дону так и не удалось.

Результаты. Вследствие весеннего паводка построенный в суровых зимних условиях оборонительный рубеж от станицы Цимлянкой до Азовского моря практически на всем протяжении оказался затоплен водой, а большинство оборонительных сооружений просто пришло в негодность. К началу июля донская долина так и не успела просохнуть, а ряд районов и к 10 июля оставался залитым водой (от станицы Николаевской до устья). Поэтому восстановительные работы здесь так и не начались [19, л. 73–83].

Восстановительные работы между станицами Верхнекурмоярской и Семикаракорской планировалось произвести формируемыми к 20 июля строительными колоннами 102-го управления военно-строительных работ. Но из-за начавшихся на Дону боевых действий оборонительные сооружения на этом участке не были восстановлены. Находившиеся на данном рубеже 2-е Орджоникидзево и Житомирское пехотные училища не имели собственного шанцевого инструмента, а местное руководство не смогло мобилизовать гражданское население на организацию оборонительных работ.

К 5 июля 1942 г. силами 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии на участке от станицы Семикаракорской до станицы Багаевской было построено семь оборонительных эскадронных районов. Одновременно личный состав 110-й кавалерийской дивизии оборудовал второй рубеж по линии хуторов Карповка – Ажинов – Ёлкин по реке Подпольной. На участке от станицы Манычской до станицы Ольгинской 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия возвела четыре батальонных района (что составило 50–60 % от запланированного объема работ). Так и не были установлены железобетонные колпаки, не закончены дзоты. Ранее построенные батальонные районы не были восстановлены, поскольку остались залитыми водой, а в тех, где вода сошла, грунт не просох для проведения земляных работ. Рытье окопов, ходов сообщений, командных и наблюдательных пунктов, укрытий для лошадей в районах возможных переправ противника продолжалось до начала боевых действий. На участке между Ольгинской и селом Кагальником силами 91-й стрелковой дивизии было построено семь батальонных оборонительных районов, в том числе восстановлены два из числа ранее построенных, остальные построены вновь (80 % объема работ) [19, л. 76].

Заключение. При создании оборонительных сооружений на Нижнем Дону советское руководство не учло возможных последствий весеннего паводка. В результате сильного разлива Дона уже подготовленный оборонительный рубеж РККА существенно пострадал. Оборонявшимся советским частям и соединениям в ряде случаев пришлось противостоять наступающим танковым и механизированным частям противника на неподготовленных рубежах, не имея к началу боевых действий достаточного количества даже простых полевых укреплений. Усилия десятков тысяч жителей и военных строителей оказались в значительной степени потрачены неэффективно, а противнику удалось быстро прорвать советскую оборону и устремиться на Кавказ.

Примечания:

1. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Голос, 1993. 768 с.
2. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль, 1987. 432 с.
3. Классика геополитики, XIX век: Сб. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 718 с.
4. Классика геополитики, XX век: Сб. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 731 с.
5. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
6. На Дону ожидается большой разлив. URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/don/829/08 (дата обращения 28.03.2013).
7. Ущерб от наводнения на Дону оценили в 400 млн рублей. URL: <http://rostov-times.ru/stories/2584> (дата обращения 28.03.2013).
8. Маляров В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей обороны и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб.: Военно-инженерный университет, 2000. URL: <http://rufort.info/library/malyarov/malyarov.html> (дата обращения 17.01.2014).
9. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2.
10. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь – декабрь 1941 г. М.: Центрполиграф, 2013. 318 с.
11. Артющенко (Шевченко) Мария Максимовна. URL: <http://iremember.ru/zenitchiki/artiuschenko-shevchenko-mariya-maksimovna.html> (дата обращения 17.01.2014).
12. Деревянко С. Теперь во сне сею... // Крестьянин. 2009. 12 мая.
13. Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Власов М.В. Мощный поздневалдайский речной сток в бассейне Дона // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 1. С. 118–129.
14. ЦАМО РФ. Ф. 12 армии. Оп. 6005. Д. 96.
15. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 333.
16. Социально-исторический портрет села Приазовья: Кагальник. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 208 с.
17. Воспоминания Ананьева Всеволода Петровича, 1923 г.р., записаны Е.Ф. Кринко и Т.Г. Курбат в г. Ростове-на-Дону 10.02.2011.
18. ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 546.
19. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 5.

References:

1. Solov'ev S.M. Sochinenija: v 18 kn. Kn. 1: Istorija Rossii s drevnejshih времен. Т. 1–2. М.: Golos, 1993. 768 s.
2. Ključevskij V.O. Sochinenija v 9 t. Т. 1: Kurs russoj istorii. Ch. 1. М.: Mysl', 1987. 432 s.
3. Klassika geopolitiki, XIX vek: Sb. М.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. 718 s.
4. Klassika geopolitiki, XX vek: Sb. М.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. 731 s.
5. Savickij P.N. Kontinent Evrazija. М.: Agraf, 1997. 464 s.
6. Na Donu ozhidaetsja bol'shoj razliv. URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/don/829/08 (data obrashhenija 28.03.2013).
7. Ushherb ot navodnenija na Donu ocenili v 400 mln rublej. URL: <http://rostov-times.ru/stories/2584> (data obrashhenija 28.03.2013).

8. Maljarov V.N. Stroitel'nyj front Velikoj Otechestvennoj vojny. Sozdanie strategicheskikh rubezhej oborony i placdarmov dlja obespechenija oboronitel'nyh operacij vooruzhennyh sil v gody vojny 1941–1945 gg. SPb.: Voenno-inzhenernyj universitet, 2000. URL: <http://rufort.info/library/malyarov/malyarov.html> (data obrashhenija 17.01.2014).
9. CDNIRO. F. 3. Op. 2. D. 2.
10. Afanasenko V.I., Krinko E.F. 56-ja armija v bojah za Rostov. Pervaja pobeda Krasnoj armii. Oktjabr' – dekabr' 1941 g. M.: Centrpoligraf, 2013. 318 s.
11. Artjushhenko (Shevchenko) Marija Maksimovna. URL: <http://iremember.ru/zenitchiki/artiuschenko-shevchenko-mariya-maksimovna.html> (data obrashhenija 17.01.2014).
12. Derevjanko S. Teper' vo sne seju... // Krest'janin. 2009. 12 maja.
13. Panin A.V., Sidorchuk A.Ju., Vlasov M.V. Moshhnyj pozdnevaldajskij rečnoj stok v bassejne Dona // Izvestija RAN. Serija geograficheskaja. 2013. № 1. S. 118–129.
14. CAMO RF. F. 12 armii. Op. 6005. D. 96.
15. CDNIRO. F. R-9. Op. 1. D. 333.
16. Social'no-istoricheskij portret sela Priazov'ja: Kagal'nik. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuNC RAN, 2009. 208 s.
17. Vospominanija Anan'eva Vsevoloda Petrovicha, 1923 g.r., zapisany E.F. Krinko i T.G. Kurbat v g. Rostove-na-Donu 10.02.2011.
18. CDNIRO. F. R-9. Op. 1. D. 546.
19. CAMO RF. F. 224. Op. 760. D. 5.

УДК 93/94

Весеннее половодье и его последствия для советской обороны против вермахта на Нижнем Дону в 1942 г.

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук,
Российская Федерация
Ростов-на-Дону, 344006, проспект Чехова, 41
заместитель директора, доктор исторических наук

Аннотация. В середине октября 1941 г. советское руководство приняло решение о создании на Дону системы оборонительных сооружений, призванной остановить наступление вермахта на южном направлении. В конце осени – зимой 1941–1942 гг. десятки тысяч саперов и мобилизованных жителей региона возводили Донской и Сталинградский оборонительный рубежи, Ростовский оборонительный район. Однако в ходе весеннего половодья 1942 г. Дон затопил значительную часть недостроенных укреплений Красной армии. В июле 1942 г. многие оборонительные сооружения так и не были восстановлены, а некоторые остались залиты водой. В результате советским частям и соединениям пришлось противостоять наступавшим танковым и механизированным частям противника на неподготовленных рубежах, не имея достаточного количества даже простых полевых укреплений. Усилия десятков тысяч жителей и военных строителей оказались в значительной степени потрачены впустую, а противнику удалось быстро прорвать советскую оборону и устремиться на Кавказ.

Ключевые слова: Дон; весеннее половодье; Красная армия; вермахт; оборонительный рубеж; Ростовская область.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal
--

UDC 94(47)(093)

Documents from the Emergency State Commission Funds and Their Research Opportunities *

Tatiana G. Kurbat

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006

E-mail: red_curly_girl@mail.ru

Abstract. The article explores documents present in three archives of the Emergency State Commission which are kept in the State Archives of the Russian Federation and in two archives of the Rostov Oblast. The article describes these documents in detail and notes their records management features. The article notes the fact that the information present in the documents is stylistically susceptible to be influenced by the ideology of the time when they were written.

Keywords: Great Patriotic War; Rostov Oblast; Emergency State Commission; archives; historical source; witnesses; protocols.

Введение. Спустя пять месяцев после начала Великой Отечественной войны Ростовская область оказалась в оккупации. 17 октября немецко-фашистские войска захватили г. Таганрог, Таганрогский, Неклиновский, Федоровский и Матвеево-Курганский сельские районы области. Кроме того, 21 ноября 1941 г. им удалось овладеть Ростовом-на-Дону, но спустя неделю войска вермахта были выбиты из города советской армией. Был захвачен г. Ростов-на-Дону и в связи с быстрым продвижением войск вермахта на Кавказ были заняты практически все районы области, кроме части Верхне-Донского и Вешенского районов, которые оказались в зоне боевых действий [1].

Период оккупации городов и районов области был различен. Так, освобождение районов на севере области началось с января 1943 г., г. Ростов был освобожден 14 февраля 1943 г., а г. Таганрог, Неклиновский, Федоровский, Куйбышевский, а также часть Анастасиевского и Матвеево-Курганского районов, захваченные еще осенью 1941 г., были освобождены только в августе 1943 г.

Материалы и методы. Статья основывается на различных в видовом отношении документах. В ней рассматриваются документы трех архивных фондов Чрезвычайной Государственной комиссии, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и в двух архивах Ростовской области. Проводится их детальное описание, обращается внимание на документоведческие особенности. Отмечается подверженность стилистики приводимых в документах сведений идеологии военного времени.

Обсуждение и результаты. По мере освобождения области от врага в городах и районах создавались городские и районные комиссии по установлению ущерба и злодеяний, причиненных врагом местным жителям. В соответствии с инструкцией к работе в них

* Статья подготовлена в рамках проекта «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

привлекались «представители советских, хозяйственных, кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций, рабочие, служащие предприятий и учреждений, колхозники, городская и сельская интеллигенция, военнослужащие». Итогом этой работы явился сбор огромного массива документов: актов, протоколов, заявлений от граждан, списков, смет, изобличающих и доказывающих преступления немецко-фашистских захватчиков против мирного населения области, а также нанесенного ими огромного материального ущерба сельскому хозяйству, промышленному производству и экономики области.

Созданием и координацией работы Чрезвычайной Государственной комиссии (ЧГК) по Ростовской области занимался Ростовский обком ВКП(б), которому были отправлены инструкции, регламентирующие работу комиссии ЧГК, после утверждения положения о ЧГК 16 марта 1943 г. Сюда из городов и районов области отправлялись собранные сведения районных и городских комиссий о причиненном немецко-фашистскими захватчиками ущербе области. Полученные данные передавались в исполком, который занимался их проверкой, обработкой и направлял конечные результаты в Чрезвычайную Государственную комиссию.

В настоящее время документы, собранные ЧГК по Ростовской области, представлены в двух областных архивах. Коллекция документов фонда 1886 по Ростовской областной Чрезвычайной комиссии по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова – на – Дону и Ростовской области хранится в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Она содержит 20 дел, в которых собраны акты, протоколы, показания и заявления граждан о злодеяниях, совершенных оккупантами на территории районов и городов области. Данные документы представляют большой интерес, так как их можно считать «первоисточниками» по изучению истории войны в регионе. Они были составлены со слов свидетелей нацистских преступлений, практически сразу после освобождения территории городов или районов области. При их обработке составлялись итоговые сводные акты и реестры, которые и отправлялись в Москву.

Как уже было сказано, обработкой актов из городов и районов области занимался исполком и именно эти документы хранятся в фонде 3613 в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО). В архиве также хранится опись с историей формирования фонда Р-3613 комиссии ЧГК. Исходя из информации, приведенной во вступительной статье, в 1952 г. государственным архивом были приняты документы комиссии облисполкома, куда передавались все документально зафиксированные показания свидетелей нацистской оккупации городов и районов области. Возможно, переданные документы облисполкома о работе комиссии не отражали весь объем проведенной работы или были частично утрачены. Поэтому при комплектовании фондов областного архива в 1962 г. был предпринят поиск документов за годы войны, в числе которых оказался фонд ЧГК по Ростовской области. Позже было установлено, что документы, относящиеся к работе ЧГК по Ростовской области, находятся на хранении в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (в настоящее время ГАРФ) в фонде Р-702. После изучения этого фонда и сопоставления с документами ГАРО был сформирован фонд «Чрезвычайной государственной комиссии по Ростовской области», принятый на общее хранение [2]. Кроме того, в данном фонде хранятся материалы делопроизводства, отражающие работу внутреннюю работу комиссии.

Кроме областных архивов документы ЧГК по установлению ущерба Ростовской области и ее жителям представлены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Эти документы в основной своей массе являются итоговыми актами и протоколами по расследованию ущерба во всех городах и районах области. Кроме того, в данном фонде находятся опросные листы остербайтеров и показания свидетелей массовых уничтожений местного населения Ростовской области. Сходные документы в областных архивах отсутствуют.

Что касается характеристики документов представленных в двух архивах области, стоит отметить, что они имеют различия. Так документы ЦДНИРО в большей степени были собраны по «горячим следам», сразу же после освобождения той или иной местности. В начале документа составленного по району, деревне или хутору приводилась дата и месяц его составления, список участников комиссии, а также время нахождения их в оккупации.

Эти данные помогают понять, насколько скоро комиссия ЧГК начинала свою работу на освобожденных территориях. В подавляющем большинстве материал данного фонда состоит из актов обследования, свидетельских показаний местных жителей, списков расстрелянных, замученных, избитых, угнанных в Германию советских граждан и военнопленных, а также акты о нанесенном экономическом ущербе временно оккупированным районам, городам и селам Ростовской области. Кроме того, редко встречаются нормативные документы, возможно внутреннего использования, о строительстве дорог, о порядке уборки урожая, изданные оккупационной властью. Предположительно, эти документы были приложены к свидетельским показаниям и иллюстрировали жестокое отношение оккупантов и их пособников к местному населению.

Практически все документы фонда являются оригинальными, редко встречаются копии. Основная масса документов, представленных в фонде, имеет печатный вид. Иногда встречаются акты, протоколы и списки, написанные от руки – заявления от граждан или исходный документ, составленный на месте и позже переведенный в печатный вид. Иногда в актах и протоколах встречаются пометки, добавления или исправления в тексте документа. Как правило, исправлялись цифры в актах, составленных по экономическому ущербу, либо добавлялись пояснительные фразы.

Данный фонд состоит из 20 дел, в которых приведена информация по районам и городам области. Протоколы, составленные по районам, содержат в себе информацию по причиненному ущербу колхозам, деревням, селам и хуторам района. Объем представленных документов по районам в каждом случае различен, различна и степень их информативности. Так по относительно не большому в территориальном отношении Анастасиевскому району представлено более двух десятков актов и протоколов. Это связано с тем, что весь период оккупации район находился в прифронтовой полосе, а также там действовал партизанский отряд. Среди документов преобладают свидетельства о деятельности партизанского отряда и бесчинств оккупантов по отношению к населению района как способу борьбы с партизанами. По районам, находящимся на севере области, информации гораздо меньше, что является следствием их удаленности от боевых действий, а также тем, что там войска вермахта не имели постоянных дислокаций. С другой стороны, в свидетельствах местных жителей наиболее часто встречаются рассказы об издевательствах над советскими военнопленными и о создании концентрационных лагерей.

В тоже время сведения, приведенные по городам области, можно назвать неполными. Так, по г. Таганрогу приводится только один акт, составленный через день после его освобождения. В нем приводятся сведения об эксгумации могил массовых расстрелов в Петрушинской балке, а также рассказ очевидцев уничтожения еврейского населения, мирных жителей города, военнопленных и участников подпольной организации города. Кроме того, описаны события угона таганрожцев в Третий рейх. Данный протокол не освещает всех событий произошедших в городе за практически двухлетний период оккупации. В нем не приведен экономический ущерб, нанесенный промышленности и сельскому хозяйству города. Не показана деятельность лагеря для советских военнопленных. Такая же ситуация по г. Шахты, где приведен протокол об уничтожении еврейского населения города, а также уничтожения горожан в шахте им. Красина. Кроме данных об уничтожении жителей города, не приведено актов по материальному ущербу города и нанесенным убыткам угольной промышленности. В протоколах, актах и списках по г. Ростову-на-Дону информации представлено больше. Одной из главных тем протоколов было описание уничтожения еврейского населения и всех мер этому предшествовавших, приведены списки горожан, угнанных на работу в рейх. Также есть акты с полным перечислением разрушенных предприятий города, мостов, понтонов, зданий музеев, школ, училищ, библиотек, театров. Но в тоже время отсутствуют протоколы, освещающие события первой оккупации г. Ростова-на-Дону. Свидетельства о зверствах нацистов в период первой оккупации Ростова-на-Дону находятся в фонде ЧГК в Государственном архиве РФ. Одним из свидетельств того периода являются записанные показания очевидца Л.Г. Генче «о зверствах, грабежах немецких фашистов в г. Ростове-на-Дону в ноябре 1941 г.». Кроме того, есть свидетельства и других очевидцев о разрушении зданий в городе в период первой оккупации. В областном архиве нет документальных свидетельств о расстреле ростовчан на

улице 20-я Линия, о сожжении центрального рынка. Именно эти события первой оккупации города больше других остались в памяти свидетелей тех событий.

Иногда встречаются акты со свидетельскими показаниями об одном и том же событии. Так, например, от жителей хут. Алдобульского Баклановского сельского совета Дубовского района приведено более пяти актов о расстреле их родственников 10 декабря 1942 г. [3] Кроме того, в делах комиссии встречаются несколько протоколов по одному и тому же району. Это обусловлено тем, что протоколы не всегда были составлены правильно и возвращались на доработку. Например, как в случае с Матвеево-Курганским районом, имеется два протокола о зверствах и убийствах в результате того, что он был освобожден в два этапа.

Работа комиссии носила как политический, так и идеологический характер. Это в полной мере отразилось на содержании актов и протоколов, в тексте которых зачастую использовались выражения с яркой идеологической и патриотической окраской. Достаточно часто они употребляются в актах и протоколах, освещающих казни красноармейцев и местных жителей. В одном из протоколов приведено описание казни красноармейца Киселева, который «в последние минуты, умирая, призывал к борьбе против оккупантов и в устах за родину, за Сталина умер». Нередко в заключение акта писались идеологически окрашенные призывы к мести: «Эти чудовищные преступления никогда не простит Советский народ, ЗА КРОВЬ, ЗА СТРАДАНИЯ, ЗА СЛЕЗЫ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, ЗА ПОРУГАННУЮ ЧЕСТЬ НШИХ ЖЕНЩИН И ДЕВУШЕК НЕМЕЦКО-АШИСТСКИЕ РАЗБОЙНИКИ ГДЕ БЫ ОНИ НЕ НАХОДИЛИСЬ, ПРЕДСТАНУТ ПЕРЕД СОВЕТСКИМ НАРОДНЫМ ПРАВОСУДИЕМ И ПОНЕСУТ ЗАСЛУЖЕННУЮ КАРУ» [4].

В текстах документов оккупантов называли нелюбезными выражениями, такими как «паразиты, изверги, фашистские псы, немецко-фашистские каннибалы». В тексте протоколов достаточно часто упоминаются издевательства немецко-фашистских пособников над своими соотечественниками. Описываются случаи избиения, расстрелов, отправок эшелонов в Германию при непосредственном их участии. Иногда цитируются фразы, произнесенные немецкими сообщниками. Например, в актах по Волошинскому району представлен акт о деятельности нацистских пособников с цитированием их высказываний: «Вам ничего не будет, Ваши овощи, хлеб, и все остальное находится за Волгой, поезжайте и получайте от своих мужей т.к. они защищают советскую власть, а не нашу настоящую, которая есть сейчас, самая настоящая наша власть» [5].

Таким образом, анализируемый фонд имеет огромный пласт документов, показывающих деятельность областной комиссии. Представленные документы достаточно информативны, но не лишены недостатков. Прежде всего, не по всем районам и городам представлены сводные документы на основе собранных показаний свидетелей. Зачастую это набор документов, в которых приведены сведения о событиях в период оккупации той или иной местности. Нередко встречаются ошибки в документах, являющиеся результатом пересчета количественных показателей жертв или материального ущерба. Вместе с тем, значимость этих документов достаточно высока, так как они являются итогом первых попыток комиссии ЧГК по Ростовской области оценить ущерб, причиненный оккупантами.

Итоги работы комиссии представлены также в коллекции документов Государственного архива Ростовской области. Данная коллекция документов отличается, прежде всего, своей систематичностью. Фонд содержит 866 единиц хранения и состоит из 5 разделов, которые были выделены в основном положении о работе ЧГК [6]. «Отдел злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Ростовской области» содержит акты комиссии при исполкомах городских и сельских советов, докладные записки УНКВД о зверствах захватчиков и их сообщников в городах и районах области. Кроме того, здесь представлены протоколы допросов свидетелей о преступлениях нацистов против мирных жителей области, списки расстрелянных, угнанных в Германию, письма из тюрем, дневники свидетелей оккупации. Также имеются фотоматериалы мест массового уничтожения. В «Отделе граждан» хранятся заявления и акты о причиненном материальном ущербе жителям области. Наиболее большой объем документов содержится в «Отделе колхозов и промышленности» – это обобщенные сведения, реестры актов и акты по ущербу нанесенному промышленности и сельскому хозяйству области. В «Отделе культуры»

представлены обобщенные сведения и акты о нанесенном ущербе немецко-фашистскими захватчиками учреждениям народного образования, культуры и искусства.

Документы фонда также имеют печатный вид и в отличие от фонда ЦДНИРО обладают большей информативностью. Прежде всего, по каждому из отделов представлен обобщенный реестр с указанием количества жертв оккупационного террора. К тому же к обобщенному реестру приложены показания свидетелей зверств оккупантов и пострадавших от них граждан. По отделам промышленности, колхозов представлена итоговая сумма ущерба по различным отраслям промышленности и сельского хозяйства, приложены акты с описанием того, как уничтожались заводы, фабрики, шахты и колхозное имущество.

Наибольший интерес вызывают документы, освещающие работу комиссии. Сохранились документы совещаний, которые проходили примерно раз в два месяца, где обсуждались промежуточные итоги работ комиссии и выявлялись их недостатки. Главным образом, эти недостатки заключались в том, что районы и города предоставляли неправильные сведения об экономическом убытке области. Это обусловлено тем, что для установления точного материального ущерба всем представителям комиссии были розданы так называемые «ценники», по которым и производился расчет убытков. Стоит отметить, что они несколько раз менялись, вследствие чего работа по установлению ущерба начиналась заново. Кроме того, сохранилось много документов, в которых работники комиссии жаловались на то, что на местах им не оказывается ни какой поддержки, а порой препятствовали работе комиссии. Данные документы являются особо значимыми, так как противоречат устоявшемуся мнению о том, что в сборе данных все советские граждане приступили в едином патриотическом порыве.

Выводы. Исходя из всего выше сказанного, стоит отметить, что в Ростовской области в изучении последствий Великой Отечественной войны сложилась уникальная ситуация. В областных архивах представлены две коллекции документов о деятельности Чрезвычайной государственной комиссии в городах и районах области. Это обстоятельство дает возможность исследователям наиболее полно и с разных сторон оценить работу комиссии, проанализировать ее итоги. В свою очередь, большой объем собранной информации о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в полной мере отражает всю тяжесть периода оккупации, которая легла на плечи жителей области.

Примечания:

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р – 3613. Оп. 1. Л. 1.
2. Там же.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.Р. – 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 95, 96, 97, 99, 100.
4. Там же. Д. 9. Л. 112.
5. Там же. Д. 1. Л. 106, 107.
6. ГАРО. Ф.Р – 3613. Оп. 1. Л. 3.

References:

1. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (dalee – GARO). F. R – 3613. Op. 1. L. 1.
2. Tam zhe.
3. Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (CDNIRO). F.R. – 1886. Op. 1. D. 1. L. 95, 96, 97, 99, 100.
4. Tam zhe. D. 9. L. 112.
5. Tam zhe. D. 1. L. 106, 107.
6. GARO. F.R – 3613. Op. 1. L. 3.

УДК 94(47)(093)

**Документы фондов Чрезвычайной государственной комиссии
и их исследовательские возможности**

Татьяна Георгиевна Курбат

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: red_curly_girl@mail.ru

Аннотация. В статье характеризуются документы трех архивных фондов Чрезвычайной Государственной комиссии, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и в двух архивах Ростовской области. Проводится их детальное описание, обращается внимание на документоведческие особенности. Отмечается подверженность стилистики приводимых в документах сведений идеологии того времени.

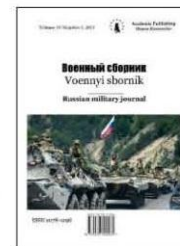
Ключевые слова: Великая Отечественная война; Ростовская область; Чрезвычайная государственная комиссия; архивы; исторический источник; свидетели; протоколы.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94(48).072

The Monitors of the United Kingdoms of Sweden and Norway

Nicholas W. Mitiukov

Izhevsk State Technical University, Russian Federation
Kama Institute of Humanities and Engineering Technology, Russian Federation
Dr., Professor
E-mail: nico02@mail.ru

Abstract. The article examines the history of the creation, the construction, the service as well as the design features of large Swedish and Norwegian monitors, which had independent naval policies even though they were part of a single nation. The key technical innovations that were utilised by the manufacturers are examined from a military and technical standpoint.

Keywords: Sweden; Norway; naval construction; naval forces; coastal defences; monitors.

Введение. Поединок "Монитора" и "Вирджинии" в 1862 г. вызвал у шведов неподдельный интерес. А поскольку автор "Монитора" Джон Эрикссон был шведского происхождения, есть основания полагать, что к своим идеям он пришел думая о лучшем средстве борьбы с противником именно в шведских шхерах. Это быстро осознали в Швеции, а поскольку Эрикссон предложил поделиться своим проектом со своей исторической родиной, уже в лето того же года в Соединенные Штаты командировали лейтенанта Джона Кристиана д'Айли (John Christian d'Ailly).

Д'Айли не только подробнейшим образом разобрался в проекте Эрикссона и посетил кораблестроительные верфи, но и попытался вникнуть с технологию производства комплектующих, в первую очередь брони. Итогом этой командировки стал проект д'Айли монитора для Швеции, в разработке которого Эрикссон принял весьма деятельное участие.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужила российская и зарубежная специализированная историография. В методологии широко применен историко-описательный метод.

Результаты. Первенец шведского броненосцестроения, получивший весьма символичное название "John Ericsson", имел большие размеры чем "Монитор", и перевалил за полторы тысячи тонн водоизмещения. Его корпус делился водонепроницаемыми переборками на восемь отсеков. Учитывая весьма затруднительные условия для управления кораблями этого типа в обычное мирное время, уже в постройке шведы дополнили его специальным легким мостиком, отсутствующим в оригинальном проекте. Первоначально таблицы комплектации учитывали наличие на борту 80 человек. Но в ходе эксплуатации, корабельные системы подверглись серьезной доработке и модернизациям, следствием которых стали дополнительные штатные единицы. В своей максимальной комплектации экипаж монитора насчитывал до 104 чел.

Всего по этому проекту построили пять единиц, четыре для флота Швеции и один для Норвегии, имевшей к этому времени не только полностью самостоятельный бюджет, но и свое правительство. От корабля к кораблю в проект вносились различные

усовершенствования, так что водоизмещение последнего монитора "Loke" перевалило за 1600 т, а длина возросла до 64,4 м.

Обычно считается, что Эриксон чуть ли не безвозмездно помог Швеции, но это далеко не так. Фактически он навязал в качестве силовой установки свою патентованную паровую машину "вибрационного" типа, и, несмотря на то, что сами шведы производили машины ничуть не худшего качества, им приходилось везти их из Нью-Йорка. Каждый монитор имел по одной такой машине, приводившей в движение четырехлопастной винт, также спроектированный Эриксоном. Пар для машины вырабатывался в четырех котлах жаротрубного типа с рабочим давлением около трех атмосфер. Все это давало возможность развить мощность до 380 л.с., что на спокойной воде гарантировало скорость до 6,5 уз. Штатный запас топлива в 110 т обеспечивал ход в течение шести суток.

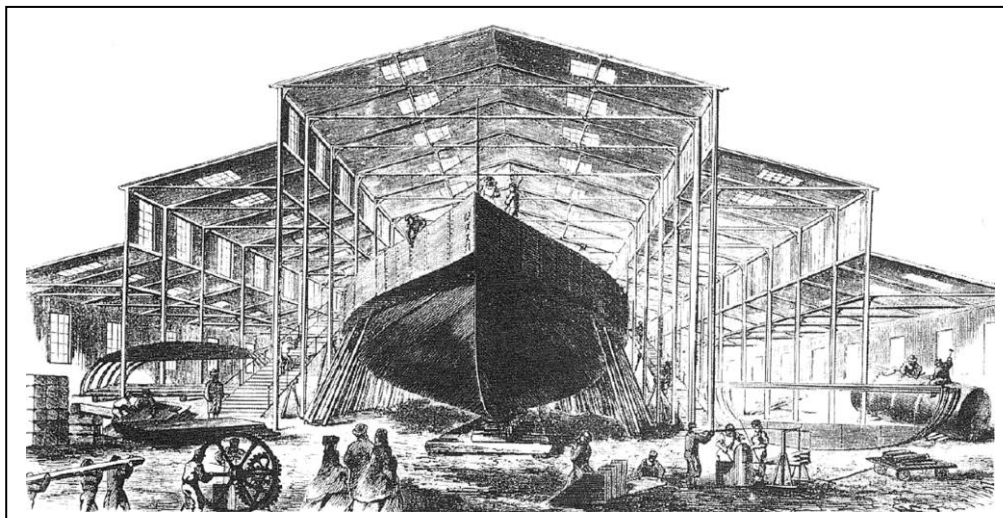

Рис. 1. Строительство Джона Эриксона на заводе Мотала

Кроме машин Эриксон "навязал" своей исторической родине еще и готовую башню с двумя 380-мм орудиями Дальгрена, которую шведы вынуждены были принять на вооружение как "Модель 1865-го года" – М/65. Однако, военные, честно говоря, были не в восторге от приобретения. Поэтому головной монитор так и остался единственным кораблем, вооруженным этой системой. Строящиеся следом "Thordön" и "Tirfing" получили отечественную гладкоствольную дульнозарядную систему М/66 калибром 267 мм. Но и она стала лишь временной мерой. Шведские артиллеристы, ознакомившись с конструкцией новейших французских казнозарядных пушек, поспешили открыть у себя производство таких орудий. И оно в итоге было принято на вооружение как система М/69 калибром 240-мм, что интересно, гораздо раньше аналогичных систем в странах, привыкших считать себя великими морскими государствами. Дульная скорость этого орудия была доведена до 397 м/с, что обеспечивало при угле возвышения 7,5° дальность до 3500 м. Но получить его при постройке успел лишь последний корабль серии "Loke". А "Thordön" и "Tirfing" в 1872–1873 гг. пришлось возвратиться на верфь для установки этих орудий. Впрочем, к этому времени оружейники подготовили еще более глубокую модернизацию, обеспечивавшую дульную скорость до 413 м/с и дальность при угле возвышения 11,3° целых 5000 м! И здесь первым счастливым обладателем орудия стал родоначальник серии "John Ericsson", получивший эту систему в 1881 г. На следующий год за ним последовал "Thordön", в 1885 г. "Tirfing" и лишь в 1890 г. – "Loke". Кроме того, отдавая дань моде, в 1877 г. все корабли получили на вооружение по одной 10-ствольной 12-мм митральезе Пальмкранца, принятой на вооружение под индексом М/75. Впрочем, уже спустя три года всех их заменили на более совершенную четырехствольную 25,4-мм митральезу Норденфельта.

Все мониторы типа "John Ericsson" имели сплошной пояс по ватерлинии шириной 1,8 м, изготавливаемый из 124-мм кованного железа. Искомая толщина набиралась из пяти

пластин и навешивалась на 91-мм деревянную подкладку. Для экономии веса в нижней кромке пояса имелось лишь три пластины, так что суммарная толщина достигала 74 мм. Бронированная палуба состояла всего из двух слоев железа, и ее максимальная толщина составляла 24,7 мм.

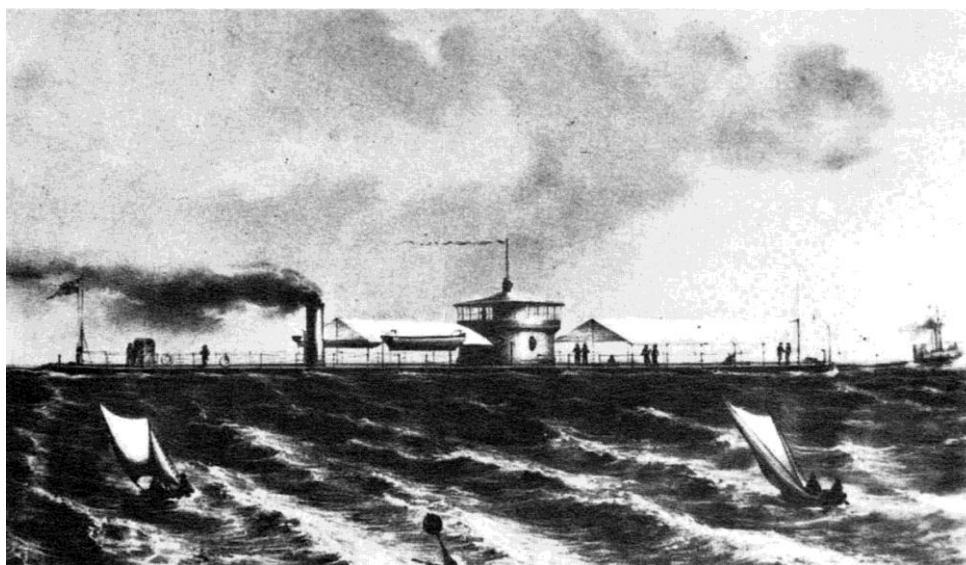

Рис. 2. Джон Эрикссон вскоре после ввода в строй

Наиболее серьезную защиту имела башня. Она набиралась из целых двенадцати слоев железа, так что достигала суммарной толщины 270-мм. Но и это был не предел. На последнем мониторе "Loke" она вообще была доведена до чудовищной толщины в 447 мм на лицевой части и 381 мм со всех остальных. Слово предвидя идею гетерогенной защиты, башня изнутри выкладывалась коечными сетками, чтобы улавливать возможные осколки. Кроме того, она имела 127-мм бронированные гласисы высотой 520 мм, чтобы предотвратить возможность попадания противника встык между башней и палубой. Крыша также бронировалась плитами толщиной 127 мм. Командирская рубка защищалась десятью слоями железа, так что суммарная толщина их составляла 250 мм. Наконец, дымовая труба наполовину своей высоты имела 120-мм бронирование.

Единственный норвежский монитор в серии в целом повторял шведские корабли с одним существенным отличием. Поскольку необходимости защиты интересов своего производителя артиллерии в Норвегии не существовало, там вполне резонно решили использовать для вооружения корабля проверенную продукцию Армстронга. В результате единственный в серии норвежский "Mjølner" получил на вооружение два 270-мм дульнозарядных нарезных орудия, а вдобавок к ним еще и 80-мм пушку.

Именно "Mjølner" послужил отправной точкой в развитии типа норвежских мониторов, и в дальнейшем на военно-морском арсенале в Хортене было построено три постепенно совершенствовавшиеся версии этого корабля. При этом историки до сих пор спорят о правомерности отнесения норвежских "Скорпионов" к типу "John Ericsson". Но так или иначе, общие корни в виде проекта, разработанного с участием Д. Эрикссона, в них прослеживаются явно, а то, что и шведы и норвежцы стремились каждую последующую единицу сделать лучше, это вполне естественное желание. Но если шведы наибольшее внимание уделили улучшению вооружения, то норвежцы, избрав в качестве основного оружия пушки Армстронга, постарались совершенствовать механическую начинку.

Так построенный в Швеции "Mjølner" имел машины в 450 л.с. и мог разогнаться до скорости 8 уз. У собственно норвежского "Skorpionen" мощность составляла всего 350 л.с. и скорость – очень скромные 6 узлов, зато уже "Thrudvang" имел машины в 500 л.с. и скорость 8,5 уз., а на последнем "Thor" и вообще рекордные 600 л.с. (9 узлов)! Разумеется, что рост мощности потребовал увеличение паропроизводительности, так что на "Thor" пришлось установить дополнительный пятый котел. При этом, по отзывам зарубежных посетителей,

норвежцы постарались сделать работу экипажа машинного отделения максимально комфортной, разумеется по представлениям того времени. Так испанские офицеры, отмечали легкость доступа для контроля ко всем основным агрегатам машинного и котельного отделений, удобство подхода для проведения обслуживания и ремонта.

Все эти улучшения неизменно сопровождалось увеличением экипажа (с 80 чел. на "Thrudvang" до 95 на "Thor", а к 1890-м гг. экипаж довели до 120 чел.) и как следствие ростом размеров и водоизмещения с 1490 *t* на "Skorpionen" до 1975 *t* на "Thor".

Летом 1867 г. четыре монитора приняли участие в единственном за всю историю шведско-норвежских кораблей этого типа зарубежном визите. Перед его началом в ходе парада в Стокгольме в июле 1867 г. кронпринц Оскар, будущий шведский король Оскар II, посетил стоявшие на якоре "John Ericsson", "Thordön", "Tirfing" и "Skorpionen". По окончании церемонии эскадра направилась в Гельсингфорс. Здесь в августе она удостоилась посещения великого князя Константина Николаевича, высоко отозвавшегося о шведской эскадре.

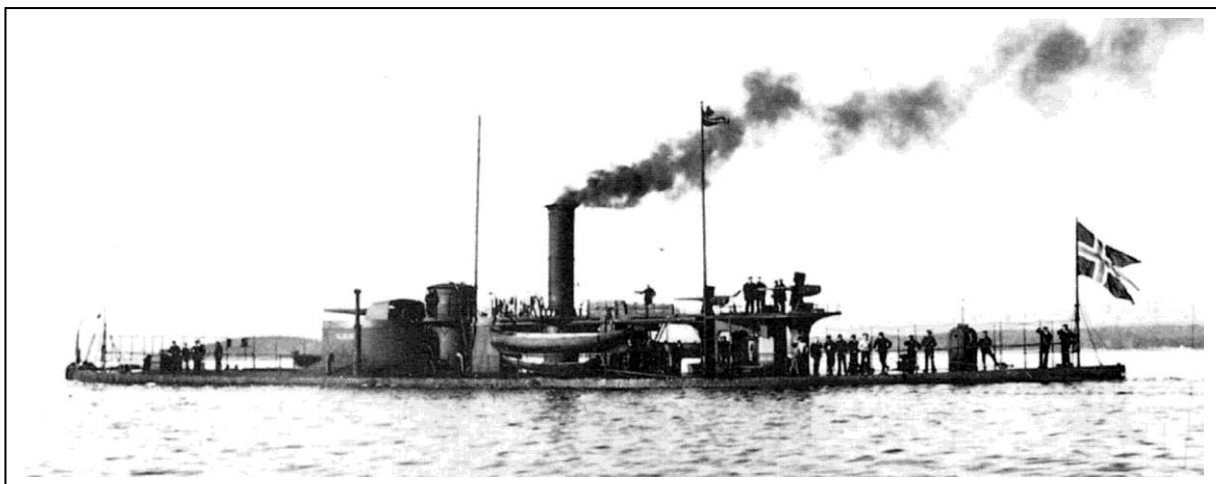

Рис. 3. "Mjølner" в 1906 г.

В основном же служба мониторов не изобиловала какими-либо интересными эпизодами. Как правило, большую часть года они находились в резерве, участвуя в кампании не более двух-четырех летне-осенних месяцев. Но даже такая чисто формальная служба происходила не каждый год. Например, "John Ericsson" участвовал в кампаниях с 1865–1873 и 1882–1883 гг.

В период с 1892 по 1895 гг. для восстановления шведским мониторам хоть какой-то боевой ценности, их перевооружили. "John Ericsson" получил пару новых 152-мм орудий Бофорса М/89 и, кроме того, в надстройке разместили два 57-мм орудия Норденфельта. Одновременно ему заменили котлы на новые цилиндрические с давлением пара 5,5 *атм*, благодаря чему, как показали ходовые испытания 14 мая 1901 г., скорость возросла до 8,2 узлов! В начале 1900-х гг. все еще оставшееся старое вооружение постепенно уходит на склады, а взамен него появляются дополнительные 57-мм скорострелки, число которых возросло до шести. Так что в период Первой мировой войны мониторы этого типа стали единственными в мире кораблями этого класса первого поколения, которые все еще обладали хоть какой-то боевой ценностью. И в 1913–1918 гг. "John Ericsson" входил в состав береговой обороны Карлскроны. Но судьба старого корабля на этом не закончилась! В 1919 г. его продали Готландской цементной компании, переоборудовавшей корабль в баржу. Окончательная судьба бывшего монитора неизвестна, возможно, он сохранился до настоящего времени, но, по крайней мере, еще в 1960-х гг. столетний корпус использовался компанией по назначению!

"Thordön", который позднее в связи с реформой языка неожиданно для себя оказался переименованный в "Tordön", также эпизодически находился то в резерве, то в краткосрочной кампании. Перевооружение на новые орудия добавила активности в графике плаваний, что самым пагубным образом сказалось на корабле. В ходе одного из них,

23 июля 1883 г. "Tordön", следуя ложным указаниям сорванного с якоря буя, налетел на мель в Норрчепингской бухте и затонул. К счастью, в ходе оперативно организованных спасательных работ его удалось поднять уже 4 августа и отбуксировать на завод в Карлскроне. После восстановительных работ он принял участие в кампаниях 1885 и 1888–1889 гг., и снова отправился в резерв. Как и "John Ericsson", монитор прошел полное перевооружение со сменой артиллерии и котлов. В 1903–1905 гг., после этих работ на нем стали две 120-мм скорострелки Бофорса М/94, и восемь 57-мм пушек Норденфельта. А далее до 1922 г. он входил в состав береговой обороны Гетеборга, после чего, как и головной корабль в серии, его продали в частные руки, переоборудовавшие старый корабль в баржу для использования в районе Стокгольмской бухты.

"Tirfing" отличался еще менее интенсивной эксплуатацией. Он состоял в кампании лишь шесть раз с 1867 по 1889 гг. Вместе с "Tordön" он также прошел перевооружение, перед тем как заступить в систему береговой обороны Гетеборга, с тем лишь отличием, что вместо пушек Норденфельта он получил восемь 47-мм скорострелок, снятых со старых миноносцев типа "Stierna".

Ровно на одну кампанию больше до конца 1880-х гг. шведы использовали свой самый совершенный монитор "Loke". И также как для однотипных кораблей в 1903 г. парламентарии выделили средства на его перевооружение. Однако работы так и не начали проводиться. В 1908 г. последовало повторное выделение средств, но после детального обследования технического состояния, 21 августа 1908 г. флот решил, что более разумнее продать старый корабль в частные руки. К сожалению, дальнейшая судьба "Loke" покрыта мраком, но есть все основания полагать, что его также могли использовать в качестве баржи.

Если шведские мониторы еще более-менее активно эксплуатировались, то даже на этом неторопливом фоне, норвежские корабли свою карьеру просто простояли в базах. Хотя, это не спасло их от разного рода происшествий.

21 июня 1869 г. "Mjølner" сел на мель у города Крагеро. Поскольку сняться своими силами он не смог, пришлось сгружать с него примерно 120 т угля, боеприпасов и кое-каких железных конструкций. Только поле этого корабль удалось стащить на глубокую воду и отбуксировать для ремонта в Хортен, который завершили к 7 июля. Что интересно, состоявшийся суд однозначно признал вину в происшествии командира корабля и лоцмана, на которых положили обязанность выплатить 5000 крон, пошедших на ремонт корабля. Если учесть, что монитор обошелся налогоплательщикам в 1,1 млн норвежских крон – сумма не малая. К счастью для обоих через два года суд снял с них обвинения.

Также как шведы, норвежцы в конце 1890-х гг. предприняли попытку вернуть своим старым кораблям хоть какую-то боевую ценность. К концу 1890-х гг. корабли кардинально изменили свой внешний вид. Башню демонтировали, оборудовав вместо нее простой барбет, куда поставили пару новейших 120-мм скорострелок системы Кокерил. Кроме того, на палубе нашлось место для пары 65-мм скорострелок и нескольких пушек меньшего калибра в надстройке. Водоизмещение при этом несколько возросло, перевалив цифры в 2000 т у "Thor".

Все норвежские мониторы в 1905 г. привели в состояние полной боевой готовности, ожидая враждебных действий от Швеции при провозглашении норвежского суверенитета. Но все обошлось очень спокойно, и мониторы снова перевели в резерв, чтобы в начале 1910-х гг. отправить их на слом.

Выводы. Завершая, хочется отметить, что в 1918 г. после сдачи на слом, "Thor" решили отбуксировать к месту разделки, и во время этой несложной операции 7 марта 1919 г. он попал в шторм. После обрыва буксировочных концов, предоставленный всем ветрам беспомощный корпус бывшей гордости норвежского флота оказался выброшенным на мель у Верденс Энде. В аварии погибло два человека. Спасательная операция не смогла принести желаемые результаты, и фактически закончилась лишь демонтажем части оборудования. А сам монитор тем временем затонул на глубине 8–14 м. В настоящее время это один из трех дайв-сайтов мониторов первого поколения, вместе с самим "Монитором" и британским "Церберусом".

Примечания:

1. Bojerund S. Monitors and Armoured Gunboats of the Royal Swedish Navy. Part 1. // Warship International. 1986. № 2. P. 167–180.
2. Harris D.G. The Swedish Monitors // Warship. 1994. P. 22–34.
3. Каторин Ю.Ф., Гайдук А.А. Броненосцы береговой обороны стран Северной Европы. СПб.: Гангут, 2014. 52 с.
4. Митюков Н.В. Броненосцы двуединого королевства (шведские и норвежские броненосцы конца XIX века) // Наука и техника. 2014. № 2. С. 34–39.
5. Павленко С.Б. Мониторы идут в бой // Наука и техника. 2008. № 4. С. 30–35.
6. Scandella P. Ligeros apuntes sobre los monitores de la marina noruega // Revista General de Marina. 1887. Т. 20. P. 24–30.
7. Смирнов Г., Смирнов В. Броня, башня и тараны // Моделист конструктор. 1984. № 1. С 31–32.

References:

1. Bojerund S. Monitors and Armoured Gunboats of the Royal Swedish Navy. Part 1. // Warship International. 1986. № 2. P. 167–180.
2. Harris D.G. The Swedish Monitors // Warship. 1994. P. 22–34.
3. Katorin Ju. F., Gaiduk A.A. Bronenostsy beregovoi oborony stran Severnoi Evropy. S-Peterburg: Gangut, 2014. 52 s.
4. Mitiukow N.W. Bronenostsy dvuedinogo korolevstva (shvedskie I norvezhskie bronenostsy kontsa XIX veka) // Nauka i tekhnika. 2014. № 2. S. 34–39.
5. Pavlenko S.B. Monitory idut v boi // Nauka i tekhnika. 2008. № 4. С. 30–35.
6. Scandella P. Ligeros apuntes sobre los monitores de la marina noruega // Revista General de Marina. 1887. Т. 20. P. 24–30.
7. Smirnov G., Smirnov V. Btonya, bashnya i tarany // Modelist Konstruktor. 1984. № 1. P. 31–32.

УДК 94(48).072

Мониторы шведско-норвежского королевства

Николай Витальевич Митюков

Ижевский государственный технический университет, Российская Федерация
Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Российская Федерация
Доктор технических наук, профессор
E-mail: nico02@mail.ru

Аннотация. В работе рассмотрены история создания, постройки и службы, а также особенности конструкции больших мониторов Швеции и Норвегии, хотя и находившиеся в рамках одного государства, имевшие независимую военно-морскую политику. В военно-техническом аспекте рассмотрены примененные конструкторами основные технические инновации.

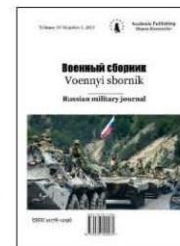
Ключевые слова: Швеция; Норвегия; военно-морское строительство; военно-морские силы; береговая оборона; мониторы.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

Brief Reports

UDC 93

Military and Technical Innovations in Spanish Shipbuilding

Alejandro Anca Alamillo

Ministry of Defence of Spain, Spain
Naval historian, Dr., Professor

Abstract. The article succinctly examines the military and technical innovations introduced by the Spanish Defence Ministry within the sphere of shipbuilding.

Keywords: shipbuilding; Spain; military and technical innovations.

Naval News from Spain

Starting with my collaboration in the magazine, I would like show at present about Spanish Navy and Dockyard public company “Navantia”.

Spanish Navy status

Due several economic restrictions, Armada Española to take decision decommissioned our only one Aircraft carrier: “Príncipe de Asturias”. Part of operational functions will be assumed by “Juan Carlos I”, a new multi-purpose warship (similar in concept to the American Wasp-class amphibious assault ship) it was commissioned two years ago. This has not prevented the loss of their Harrier fighters.

Spanish aircraft carrier
«Principe de Asturias»

During the year 2013, Spanish Navy was scrapped twenty five warship, meanwhile just six commissioned.

Now Spanish Navy has following combat units: eleven frigates (five of them F-100 class, one the best frigates in service around the world), ten patrol vessels, and three submarines. Also has two magnificent amphibious ships.

Naval Industrie

Concerning Shipbuilding be that tough times have been overcome, because few days ago Government of Turkey has announced that the partnership formed by Navantia and SEDEF will build new LHD ship base "Juan Carlos I" class. Remember that Navantia yard was constructor of two twin ships to Australian Navy. Also is probably built this year platform-ship for PEMEX Company too.

Ship base "Juan Carlos I"

Problems detected S-80 class air-independent propulsion (AIP) submarine it will be solved thankful technological assistance by Electric Boat company, so is probably first unit will be launched at 2018. Remember last year engineers identified the vessel's excess weight of up to 100 t.

Next target

The Staff is working on the capabilities of the new 110-class frigates, and tries to convince the Government to at least four ocean patrol boats are built more. As our defense minister recently said, we intend on things is that even if you have less means, be more efficient.